

87 5/40005-535

100 6-3

№64

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. ПЕРВЫЙ. Ф. ПАВЛОВИЧ

КОНДОРСЭ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ВЪ ТАВРИЧЕСКОМЪ ОУЧЕБНОМЪ ЗАВЕДЕНІИ

Е. В. АЛЕКСАНДРОВЪ

Съ портретомъ Кондорса, иллюстраціями въ Петербургѣ Е. Арно

ЦЕНА 35 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ГИМНАЗИИ, ПОСРЕДСТВОМЪ КОТОРАГО ПОСЛАЮТЪ ВЪ

ВѢД. ВЪВЕДЕНІЕ, 80

1894

XVII

104

Kp. 104.

Кондорсе.

конд

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮБАНТИСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

92
741

выдано
получено

КОНДОРСЗ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ, НАУЧНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

~~Библиографическое описание~~

~~Е. В. Латановой~~

СТАНДОНА ~~Библиографический очерк~~

~~Библиографическое~~

Е. В. Латановой

19625

Библиографическое описание
1916

Библиографическое описание
1916

1916

Библиографическое описание
В. С. САДУГА
1916

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА УТВЕРЖДЕНА ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ УЧЕБНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ

Вид. Подлинника, 18

1894

01.3 (Hr2) 5-335

1 (031) (47)

рег

196.3

164

Даною рукописи, С.-Петербурга, 21 Июня 1884 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Введение	5
ГЛАВА I. Прелюди Кондорса.—Мать и ее влияние на развитие личности, развитие чувственности и одаренности.—Первоначальное образование в Рейне.—Ограниченное знание Кондорса.—Поступление в Палакурскую школу и первые успехи на математическом направлении.—Отношение Кондорса к частной науке.—Кондорс и Дампьер	7
ГЛАВА II. Характер Кондорса.—Генезис о характере Кондорса.—Портрет Кондорса, изображенный г-жей Лепеллиер.—Отношение Кондорса к Вольтеру и к области литературы.—Мысли Кондорса о дружбе.—Личности Турго и дружба с Кондорсом	14
ГЛАВА III. Министерство Турго и его падение.—Переходы из политического лагеря Кондорса.—Кондорс—гражданин общества из стремления к миру и к власти.—Кондорс, как секретарь общества наук.—Политический путь Кондорса излагается.—Речь Кондорса, произнесенная во французской академии во время падения Пампа I	23
ГЛАВА IV. Личная жизнь Кондорса.—Отношение его к женскому полу.—Знакомство с г-жей де-Груши.—Личности жизни Кондорса.—Общий характер жизни Кондорса.—Журналистская деятельность Кондорса.—Кондорс, как интуитивист.—Начало его политической деятельности	34
ГЛАВА V. Кондорс—член комитета.—Участие в аграрной пропаганде. Протест против осуждения и казни короля.—Общее настроение в то время.—Отношение к нему Кондорса.—Кондорс—член комиссии составления проекта конституции.—Против Кондорса открыты.—Кондорс обвинен в нечестности	42

ГЛАВА VI. Последние годы жизни Кюндорфа. — Личность и-же Вера и жизнь Кюндорфа в ее дни. — Забота о жене и дочери. — Склонность к философским занятиям. — Начало философской деятельности. — Сочинения Кюндорфа «Картина философии человеческого разума» и ее значение. — Кюндорф основывает дом Вера. — Арест и смерть 49

ГЛАВА VII. Выводы из философии Кюндорфа. — Счастье дочери. — О сострадании. — О труде и смерти. — О благожелательности. — О влиянии на жизнь разума рода причастностей и сил. — О смысле своего бытия. — Об отношении к собственным страстям 60

ГЛАВА VIII. Обширность теоретической деятельности Кюндорфа: в области математики, философии, политической экономики; влияние на него в области философии, науки, общества и прогресса. — «Картина философии человеческого разума». — «Трактат о нравственной образованности» 64

ВВЕДЕНИЕ.

Наш Кондорс известен историкам, экономистам, философам, политическим деятелям, но ни перья, ни перья, ни третья не составляют себе полного понятия о нем из этого замечательного человека, рассматривая какойнибудь один род этой деятельности, потому что ни с одной из названных областей жизни он не считал того, что мог бы сделать из тех случаев, когда каждая исключительно одной из них. Личность этого почтенного друга человечества так своеобразно отразилась на его деятельности, что никакие последние без участия первой считались невозможными. Великие современники Кондорса — Даламбер, Лавуазье, Вольтер, Тюрго и другие — всею душою его уважали и толкали, и все без исключения признавали верность его убеждениям. Физика сама Кондорс при жизни и после смерти была далеко не пропорциональна его дарованиям и заслугам; таланты его не понимали; он слишком опередил свой век, и век его никогда не признал при жизни; не сразу отдали ему должное и по смерти. В истории человека так Кондорс является единственным сравнительно с известными Робеспьером, Дантоном, Маратом. В истории философия ему посвящает несколько страниц. Не было поставлено ему и во других науках до нашего времени. В 1894 г. на заре нашей республики его имя во дни смерти Кондорса и отношение к нему во Франции совершенно забылось. Эту замечательную личность имеет известный экономист М. Кошманский описывает следующим образом. В столетнюю годовщину смерти Кондорса, родоначальника теории «прогресса», Франция ставит ему памятник, которого до сих пор не было ни Марбо, ни Верно, ни

низким контингентом, за исключением одного только Дантина. Но чем же может притягивать такого пристрастия; какую особую притягательную силу имеют в себе эти личности; что заставляет различных партий сарказмовать по отношению почтенней? Во Кондорсе воплощаются одновременно и дух великого этика философия, дух энциклопедистов и фидеократов, и политическая страстность, историческая жизнь уже в юном возрасте. Во нем уже и математика, блестящий экономист и публицист сливаются с одним из переноса промышленности и основателей народоустройства, с действительными инициаторами проведенной конвентом реформы общественного образования, наконец с творцами той новой науки, которая приближалась к современной нам истории культуры и гражданственности. Во те же время Кондорсе, этот политический деятель, не забывает врать социальную жизнь; его имя не воспринимается из числа величайших исторических фигур Людовика XVI; он близко стоит деятелей своего времени из интереса и задачи жизни. Сравнения его, возникавшие в свое время больше всего, отдают теперь на второй план. Они в свое время назвали Кондорсе своим более бросающимся в глаза качеством, теперь же истинно вступают в свои права. И эта всемерная уметь Кондорсе представляется нбо в известной степени для нас поучительное. Из биографии Кондорсе мы увидим, что он с самого начала всего стремился к собственной славе и постоянно думал о благо человечества. Не смотря на то, он не всей вбронности знает бы о личности его очень глубоко, слава он не стоить из близкого сближения с Вольтером, Даламбером и др. Такие биографические данные, которыми мы теперь располагаем, мы обязаны также его близким друзьям и родным. Эти данные мы находим в биографии Кондорсе, написанной Араго, в биографии, приложенной к изданию его сочинений 1847 г., и написанной в подлиннике сочинения Робина «Vie de Condorcet» и в статье М. Ковалевского о Кондорсе в «Вестник Европы» 1894 г. за март и апрель. Но лучшими пособиями к изучению личности Кондорсе служат переписка его с Тюрго и с Вольтером, написанные из биография замечательных людей, в которых он так прекрасно выказывается свои общие взгляды на жизнь, а также его переписка или письма дочери, посланные в столицу, воспитанное женой, и наконец соб-

ственные политическая исследования, написанные въ послѣднѣй годъ жизни. Вотъ и всѣ материалы, которыми можно располагать въ настоящее время для усвоенія сложной и въ высшей степени интересной личности Кондорса.

ГЛАВА I.

Предик Кондорс.—Мать и ее вліяніе на развитіе умствѣ; развитіе чуждственности и сдержанности.—Первоначальное образованіе въ Реймсахъ.—Огражденіе въ извѣстномъ институтѣ.—Поступленіе въ Парижскую коллежію и первые успѣхи въ математическомъ курсѣ.—Отношеніе Кондорса къ чистой наукѣ.—Кондорсъ и Даламберъ.

Жанъ-Антуанъ-Павелъ Карантъ маркизъ де-Кондорсъ принадлежалъ къ древнему роду французской аристократіи. Предик его вліяніемъ между прочимъ сѣлъ, что одна изъ вѣтвей во Франціи признала и открыто исповѣдала протестантскую религію. Нѣкоторые изъ нѣтъ продолжали самой вѣрностью на войнѣ, другіе занимали высшія положенія въ духовной іерархіи и выдавались стойкостью своихъ убѣжденій. Отецъ Кондорса служилъ капитаномъ въ кавалеріи. Дядя же, старшій братъ отца, былъ гвардейный есауловъ въ Линее и отличался сильнымъ характеромъ; онъ всегда выступалъ защитникомъ правъ личности, противъ которыхъ также много писалъ. Наслѣдственный домъ Кондорса, находившійся въ Дофинѣ, перешелъ по наследству къ старшей линіи. Карантъ Кондорсъ родился 17 сентября 1748 года въ Паризѣ, въ виллѣмской парадѣ Реймсахъ. Отецъ его умеръ въ то время, когда ему былъ почти годъ. Мать видна, воспитавъ оставила послѣ себя ограниченное состояніе; мать вѣстна, что издержки по воспитанію Каранта вращалъ изъ себя влѣзать въ Линее. Мать Кондорса, урожденная де-Кутра, была женщина вѣжлива, впечатлительна, сострадательна, влѣженно преданная религіи и въ то же время вразумленная сознательна предубѣжденъ. Лишившись мужа и оставившись съ ограниченными средствами, она чувствовала себя одинокой, беззащитной въ жизни и прибѣгала къ теплой защитѣ міра заволаговъ; она посвятила Высшей матеря и своего единственного сына. Кондорсъ отъ природы былъ вѣжлива сложнаго, широкоплечій, съ высокой грудью. Его высокоставленнаго родственника влѣдалъ въ мнѣ будущаго вѣжлива—граблага защитника Франціи, а мать трепе-

тала при одной мысли, что он снѣзъ будетъ проливать чужую кровь и подвергать опасности свою жизнь.

До восьми лѣтъ Кодресъ не снѣзалъ бѣлаго длиннаго платья изъ тонкаго батиста, обшитаго кружевами; оно должно было служить символомъ чистоты и невинности дитяти, посвященнаго Богу. Это платье вообще играло важную роль въ жизни Кодреса. Изъ-за него онъ поддѣлалъ чистъ епископскій, поступилъ въ школу; другіе мальчики стали бы смѣяться надъ нимъ и дорисъ изъ юбки, называя дѣвочкой; платье же вѣдало ему принимать участіе въ играхъ и школахъ. Онъ хорошо зналъ, въ какой узелъ пришелъ бы его вѣтъ, увидѣвъ снѣзъ въ воспитанномъ и разорванномъ платьѣ; а это легко могло случиться, еслибы онъ началъ представлять изъ себя лошаду или кумира. Возникъ, омерзѣвъ дѣвчарою, могъ пріучилъ отъ природы живого и рѣдкого мальчика сдерживать свои желанія и пожимать въ самомъ раннемъ возрастѣ. Мать замѣчала по всей вѣрности, что мальчикъ стѣсняется сына, и снѣзъъ тиркала ее за это, но ждалъ увидѣть его съ издѣвательнымъ взглядомъ или съ гадливымъ лицомъ быть похожимъ тонкой, нежной аристократки. Наблюдательный, адренный мальчикъ такъ же вѣдалъ эту борозду въ сердцѣ матери и старался казаться равнодушнымъ къ своему своей дѣтской свободѣ; такъ же вѣдалъ вѣдѣть и выраженіемъ своего лица. Вѣдѣлъ непокорности въ дѣтствѣ, кружилъ его развѣдывалъ вѣло; онъ такъ и остался мальчикомъ на всю жизнь и, жалуюсь, поощрялъ на слабость вѣло, приписывая происхожденіе отъ своему дѣтскому бѣлому платью, сильно стѣсненному движенію изъ въ дѣтствѣ. Но въ вѣдѣніи матери же у Кодреса развивалъ чувствительности и состраданію не только къ людямъ, но и къ животнымъ. Остаткомъ же дѣтства игра и развлеченій развивалъ въ немъ наблюдательность и привычку размышлять. Но совершеннольному ребенку, одаренному добротой и чистотой сердца, принадлежало право слушать надменные разговоры родителей, произнесенныя осознаннымъ промахомъ, и онъ рано началъ задумываться надъ вопросами справедливости и правды. Дѣла-вѣдѣть вѣдѣлъ одобрять первоначальное глубоко реакціонное воспитаніе своего племянника, но, когда мальчикъ пошелъ десятый годъ, онъ замѣтилъ вѣдѣлъ, что вѣра мальчика освобождать будничное платье или носить отъ женскаго платья, и черезъ годъ онъ отбросилъ мальчика въ

Реймс въ учебное заведеніе, назначеннаго въ то время въ рундъ іезуитовъ. Ученнѣйшіе снвы Кондорса обнаруживались очень скоро; онъ прекрасно учился и вообще особенно охотно занимался гуманитарными науками, составленными главнымъ предметомъ въ школахъ, но, не смотря на то, что Кондорса проводилъ свои отроческіе годы подъ исключительными вліаніемъ іезуитовъ, его доброе сердце неѣмкимо ему представлялось собственнымъ нѣтъ духомъ религіозной аскетичности; напротивъ, противоположное чувствованіе рождалось въ душѣ его служителя корня.

Въ пятнадцать лѣтъ онъ былъ безпримѣннымъ и честнымъ юношей; чувствительность его была такъ велика, что онъ не могъ заниматься ни доштой, ни рибной работой. Дядя-прелатъ очень рѣдко свѣдѣлъ на урокахъ своего племянника и вѣроятно скоро жаждалъ въ немъ проявленія пытливаго, свободнаго ума и исключеніе изъ духовнаго поприща и сталъ готовить его къ военному служебному.

Безусловно другое заведеніе считалось въ то время университетскимъ для дворянина. Но для военного служебнаго заведе- нія, которая выдвинулась въ преобразование у іезуитовъ. Изъ того, что Кондорса былъ отданъ дяде въ іезуиты, и конечно предполагать, что мальчикъ заранее готовился къ духовному поприщу.

Въ 1758 году Кондорса направили уже награду на уроки въ сложившійся парижъ и вернулись въ Парижъ въ Ваканскую коллежю, гдѣ началъ свое математическое образованіе. Уроки его въ этой наукѣ были поразительными. Черезъ десять мѣсяцевъ послѣ вступленія своего въ коллежю Кондорса, въ присутствіи Даламбера, Ейлера и Фонтены, превосходно записавъ очень трудный текстъ изъ области высшаго анализа, и эти сѣбѣ науки тогда же признали въ немъ своего будущаго знаменитаго собрата. Такое одностороннее одобреніе великаго математикомъ возбуждало въ молодомъ Кондорсѣ ревностное желаніе отдаться математикѣ. Однако ученая карьера не входила въ планы его дяди и другихъ родныхъ; всѣ они стремились на занятія математикой какъ на переходное, необходимое для будущей военной карьеры. Вопреки воцѣл желаніямъ родныхъ, Кондорса рѣшилъ посвятить себя наукѣ и, окончивъ курсъ въ коллежѣ, поселился у своего бывшаго учителя Жиро де-Бариду въ Парижѣ, гдѣ велъ тихую, скромную жизнь.

Въ то время, несмотря на молодость своихъ лѣтъ, онъ

быть уже глубоким мыслителем. Но не одна математика занимала ум и сердце семнадцатилетнего юноши; он предвкусил размышлений об основах нравственности и справедливости и создавал свою собственную теорию нравственности.

С юности Лёв Кондорс вбирал в то, что роды человеческого способны к безграничному совершенствованию, и самой приятней обязанностью считал поощрять такое содействие этому безграничному прогрессу; он хотел быть реформатором, что это вообще есть первая обязанность всякого человека, разум которого развит и укреплен наукой и размышлением.

Во жизни и деятельности Кондорса играли также очень важную роль личная признательность. Другом с Даламбером побудил в значительной степени его расчёт из алгебры:

Большая восприимчивость в юности Даламбера слыхавшая неравнодушие Лёв; Даламбер был двадцати-пятью годами старше Кондорса, но умел заставить в другом страсть к математике. Впервые его сочинение «О системах измерения» вошло в себя горького воспоминания из Кондорса и побудило в нем самым жарким заняться теоретической астрономией. Пять лет спустя Даламбер, Кондорс писали свое взаимное сочинение о такт математической задаче третья книга. Но не одна математика обожала Кондорса с Даламбером. Она они обладали разносторонним умом и частым соображением служили для них обеих истощением многих удивлений. Даламбер всеми силами старался приобщить Кондорса к наукам. Из переписки Даламбера с Лагранжем мы знаем, что Кондорс уже сдвинулся членом академии наук еще в 1768 г., т. е. двадцати-пяти лет, но тогда против этого сильно восстали его родственники, считая такое академическое несовершенство с достоинством маркиза. Через год те же родственники наконец уступили желанию Кондорса посвятить себя наукам, и в 1769 г. он вступил в академию. Деятельность Кондорса в академии поначалу была столько значительна, что нам придется говорить о ней особо. Через шесть лет после своего поступления в академию Кондорс был избран за секретаря; он занял это почетное место после продолжительных болельщиков приятелей.

В этом деле не обещано быть участия Даламбера; 15 апреля 1775 г. он писал Лагранжу: «Пропиши меня в Кондорса сильно натрагуют в академию, а король себя натрагует

это—Виффенъ. Черезъ девять лѣтъ послѣ того, какъ Кондорсъ былъ избранъ секретаремъ «Академіи наукъ», онъ наконецъ былъ принятъ въ члены «Французской академіи» на мѣсто Саррала. И здѣсь, какъ и въ академіи наукъ, его ревностныя заступничества выступили Даламберъ, притѣсненный анализъ Виффенъ, а конкурентовъ—астрономъ Байль. Громко упоминаетъ объ этомъ «источательствѣ въ своей перепискѣ, онъ говоритъ: «Даламберъ контролируетъ настоящее франкаго, возмущаетъ всѣхъ Виффенъ». Извѣстный своимъ пылкостью, Даламберъ восклицаетъ: «Я никогда былъ бы радъ открытію квадратуръ круга, чѣмъ этой побѣдѣ». И это произошло за годъ до смерти Даламбера. На горячую дружбу Даламбера Кондорсъ откликался глубокой признательностью; онъ принималъ участіе во всѣхъ событіяхъ жизни Даламбера, какъ это видно изъ переписки его съ господиною Лестивьеръ, подругой великаго математика. И Даламберъ понималъ и цѣнилъ сердце Кондорса настолько, что извѣщалъ его о всѣхъ старинныхъ услугахъ, которыя упоминались въ немъ во время его послѣдней долгой и тяжелой болѣзни. Кондорсъ не обманулся надеждою Даламбера; онъ продолженіемъ всей своей жизни сдержалъ пожеланіями его старинныхъ служителей, послѣ же смерти Кондорса эти заботы приняла на себя его жена, а потомъ дочь и внукъ ея, Оливьеръ.

Первый трудъ Кондорса по математикѣ относился къ интегральному исчисленію; онъ былъ представленъ академіи наукъ въ май 1765 г. и заслужилъ самые дружные отзывы Даламбера и Лагранжа. Въ это время Кондорсъ съ большимъ ревностію занимался именно математикой, и его интересы были на другихъ предметахъ въ труды академіи Берлинской, Петербургской, Варшавской.

Отъ чистой математики Кондорсъ перешелъ къ астрономіи и началъ труднѣйшіе вопросы объ опредѣленіи пути кометы. Этими предметами занимались Ньютономъ, Фонтенъ, Эйлеръ; но свѣтъ на то, вопросъ былъ настолько еще не рѣшенъ, что Берлинская академія назначила въ 1774 г. премію за лучшее его обработку. Премія не была никому присуждена и отсрочена до 1778 г. Въ этомъ году Кондорсъ получилъ ее пожелавъ съ Тейельгофомъ.

Въ концѣ этого года Лагранжъ писалъ Кондорсу: «Вашъ превосходный трудъ заслужилъ бы такую премію, еслибы

он затруднился дать приложение своего обширного теоретического воображения къ какому нибудь одной предмету; это послѣднее условіе впадало въ требованіе Берлинской академіи наукъ. Но для этого необходимо были сложныя вычисления, которыхъ всегда избѣгалъ Кондорс. Онъ говорилъ, что математика этого рода требуетъ самого напряженнаго вниманія и исключаетъ его по возбужденію. Въ университетѣ конитрудъ выступалъ съ большою ясностью особенности научнаго занятія Кондорса. Онъ легко продолжалъ всѣ аналитическія трудности и останавливался передъ сравнительно изображеніемъ; очевидно при своемъ занятіи онъ не имѣлъ въ виду рѣшенія задачи, поставленной Берлинской академіей, и потому обрабатывалъ только ту часть труда, которая представляла интересъ для него самого. То-же самое въ большой или меньшей степени относится и ко всѣмъ другимъ его трудамъ въ области точныхъ наукъ. Онъ обращалъ слишкомъ мало вниманія на изложеніе. Его мысли всегда не сгущались и слѣдъ можно сравнить съ мыслями Эйлера и Лагранжа, но выраженны онѣ далеко не такъ просто, ясно и точно. Даламберъ, самъ же всегда безупречный въ этомъ отношеніи, удивлялся, что Кондорсъ какъ бы осмысленно забываетъ о своемъ читателѣ. Въ мартѣ 1772 года онъ писалъ по этому поводу Лагранжу: «Я очень желаю, чтобы нашъ общій другъ Кондорсъ, обладающій такими сильными умомъ и талантами, имѣвшимъ свою манеру писать, не должно быть она лишняя въ его природѣ». Эта потребность въ изложеніи научнаго труда въ свѣтѣ образованнаго отношенія Кондорса къ точнымъ наукамъ; онъ находилъ въ нихъ глубочайшій интересъ, но считалъ эти занятія для себя и для своего современнаго дѣла второстепенными.

Занятія наукой онъ предпочиталъ военной карьерѣ, изъ которой чувствовалъ совершенную неспособность. Но слишкомъ большая неопредѣленность вѣкала ему ограничиваться одной наукой и уйти въ занятія математикой. И эта неспособность была бы на время неслѣдно отбрасывалъ отъ жизни наизвѣстная своя часть на всѣ его партіи труда. Отъ математики Кондорсъ легко и естественно перешелъ къ вопросамъ практической, занимавшимъ его голову еще въ то время, когда вдалѣ въ бѣломъ платьѣ. Девятнадцати лѣтъ отъ роду въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Тюрго онъ уже высказывалъ мысль, что, представивъ истину, необходимо прежде всего отбросить всаніи

экологическія соображенія. Это имѣло снѣдѣніе въ немъ гонимой нѣдѣ христіанской совѣсти. Въ 1775 г. онъ писалъ такъже Тюрго: «необходимо поднимать всѣ личныя интересы частнаго дома и беречь какъ драгоцѣнный даръ свою природную чувствительность и состраданіе къ ближнимъ, которыя составляютъ источникъ всякой добродѣтели».

Какъ же скудна была жизнь юнаго и юной Кондорсе, какъ незначительна исторія внутренняго развитія его главныхъ свойствъ чувствительности и сдержанности, которыми онъ самъ придавалъ такое большое значеніе своимъ. Прежде чѣмъ онъ началъ учиться и сталъ размышлять, сердце его было снѣдѣно любовью ко всему, что способно чувствовать и страдать.

Послѣ смерти Даламбера Кондорсе только урывками занимался математикой; онъ началъ было написать свой послѣдній трактатъ объ интегральномъ исчисленіи, но выдалъ только первые 16 листовъ, затѣмъ отложилъ думать о математикѣ и по-надому озабоченно о томъ, каковы дальнѣйшая судьба этого замѣчательнаго труда какъ къ обществу человечества.

Справедливость требуетъ сказать, что такое отношеніе къ частной наукѣ было болѣе для него свойственно, чѣмъ французскіе математикъ того времени.

Изъ біографіи Даламбера мы знаемъ, что и его жизнь вѣрнѣе отъскакала отъ науки, чѣмъ то же самое мы находимъ у Ламюра Карно и Монж; астрономъ Вальсъ погибъ на мѣлководіи. Нельзя ли въ этомъ отыскать предостереженіе также Даламберу. Что касается Кондорсе, то отвлеченность его къ математикѣ вопросамъ жизни не имѣла предѣловъ. Въ математикѣ своимъ математикомъ Кондорсе главнымъ образомъ видѣлъ лучшее средство развить и укрѣпить свой умъ, а послѣдствіемъ онъ не разъ и въ писемѣ, и въ разговорѣ высказывалъ оригинальную мысль, что научная дѣятельность служитъ подготовкой къ общественному познанію.

Оставаясь продолжателемъ труда по интегральному исчисленію, Кондорсе обращался къ теоріи вѣроятностей и стремился приложить ее къ вопросамъ нравственности и политики. Это стремленіе было такъ ново въ то время, что подпадало пѣлу буре, и Кондорсе пришлось со всей энергіей отстаивать возможность этого приложенія. Теорія вѣроятностей уже оказала великія услуги человечеству; она раскрыла всю безграничность азартной игры, показала истинный сѣкъ на всѣхъ безъ исключенія

известныя финансовыя операціи, которыя заключали въ себѣ не истинно нѣчто таинственное для людей, возмущенныхъ съ этой теоріей. Но Кондорсэ хотѣлъ воспользоваться своимъ глубокимъ анализомъ, чтобы значительно расширить область приложения теоріи страстей къ вопросамъ общественной жизни и предложить ей новый путь.

И въ этомъ заключается его громадная заслуга, но къ сожалѣнію она была послѣдней въ области математики. Мало по малу другіе предметы совершенно отделили его отъ науки. Въ 1770 г. Кондорсэ сопровождалъ Даламбера въ его путешествіе въ Флерей къ Вольтеру. Вольтеръ въ то время былъ уже очень старъ, онъ совершенно ослѣпалъ Кондорсэ; послѣдній писалъ Турготъ и вѣнчалъ Вольтера званіемъ жемчужины и діаманта, что готовъ былъ бы считать его безсмертнымъ, каковы онъ не обнаруживалъ такой безоглядной несправедливости къ Руссу. Во всякомъ случаѣ знакомство съ Вольтеромъ произвело сильное впечатлѣніе на Кондорсэ и побуждало къ немъ стремиться къ литературѣ. Съ другой стороны дружба съ Турготъ склоняла его къ занятиямъ политической экономіи, и наконецъ близкое отношеніе къ вопросамъ о благосостояніи чужеземцевъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что Кондорсэ была чуждою, просто подлиннившимся восторженному вліянію. Для того чтобы понять, какое значеніе для него имѣла дружба, необходимо ознакомиться съ максимумъ особенностей его характера и съ его отношеніемъ къ чувству дружбы.

Характеристическою замѣчательной личности Кондорсэ мы обязаны двумъ женщинамъ: жемчужинѣ друга нашего философа, академика Сюрра, и гостью Лестивансъ, пришедшей изъ родной провинціи на свою близость къ философахъ своего времени. Обѣ онѣ сходятся, когда мы увидимъ, въ томъ, что господствующимъ чертой характера Кондорсэ была доброта.

ГЛАВА II.

Характеръ Кондорсэ. — Г-жа Сюрра о характерѣ Кондорсэ. — Портретъ Кондорсэ, нарисованный г-жей Лестивансъ. — Отношенія Кондорсэ къ Вольтеру и знаменія литературѣ. — Мысли Кондорсэ о дружбѣ. — Личность Турготъ и дружба съ Кондорсэ.

Въ ювеналистическомъ г-жѣ Сюрра, жемчужинѣ друга Кондорсэ, мы находимъ слѣдующее описаніе его личности:

«Прелесть, какую и находилъ въ его обществѣ, образованность и глубокія разсужденія его идей, обманывали одновременно физическія и нравственные слабости, а также слепоту — но, что дѣйствовало на разумъ и воображеніе... Штъ, прелесть эта прелесть всего лежала въ его добрѣ, въ добрѣ, постоянной и неизмѣнной. Всегда забывавъ о себѣ для другихъ, онъ никогда даже не начиналъ приносить имъ жертвы; его снисходительность ободряла кандора; оттого возникала ему не только своя слабость, а онъ жалѣлъ насъ, словно раздѣляя насъ. Его простота въ общеніи различалась внутреннею тою, что мы находились въ обществѣ одного изъ удивительнѣйшихъ людей своего вѣка. Но покуда мы знали, на какой онъ былъ наклоненъ, Кандорсъ отдалъ снисходительность и терпѣливость, выходящую за пределы ума. Снисходительнѣе, съ какою онъ обсуждалъ насъ, что его душа выжила, стояла въ поразительномъ контрастѣ съ той жестокостью, съ какою онъ относился къ несчастнымъ своимъ друзьямъ и готовностью послѣдовать за ними на казнь. Онъ пладоустроено черпалъ изъ несправедливости, развѣ она могла быть его силой. Наоборотъ, каждаго обиду его близкія выносили въ томъ энергическій отпоръ. Съ аристократомъ Траксомъ, востроумнымъ Руссо такъ остро принимавшимъ разрывъ свой съ монархическимъ и чѣмъ сарказмомъ преслѣдовали его до казни, не находить для Кандорсы ничего краше созданія. «Это сильный рѣчь, — пишетъ онъ, — склонный къ философіи: доброта блещетъ въ его глазахъ и всѣмъ жаромъ говоритъ о прекраснѣйшемъ и самыхъ прекрасныхъ качествахъ души. Всѣ друзья въ одно слово величаютъ его «добрый Кандорсъ»».

Въ дальнейшей жизни Географія Кандорсы ни на шагъ не будетъ забывать удивительное вѣрное и справедливое характеристика, сдѣланной госпожей Сюоръ. Это самозабвенная доброта, какъ мы увидимъ, одинаково проявляемая въ его практической и теоретической дѣятельности. Г-жа Сюоръ говоритъ здѣсь объ отношеніи Кандорсы къ друзьямъ, но для полноты этой характеристики намъ остается прибавить, что друзьями его въ этомъ отношеніи были всѣ люди безъ исключенія.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ обществѣ монархическомъ было въ большинствѣ людей писать портреты своихъ знакомыхъ; кто не владелъ кистью, тотъ прибѣгалъ къ перу. Портреты Кандорсы были вѣрными мастерской рукой г-жи де Лессе-

насть, какъ иже, не его собственной прелебѣ. Г-жа де Лешанессъ принадлежала къ кругу лучшихъ друзей Кондорса, и ее любилъ и какъ можно для насъ, потому что врядъ ли кто нибудь другой въ его современники обладалъ болѣею возможностью изучить его. «Изъ лицъ Кондорса, — пишетъ г-жа Лешанессъ, — бросается въ глаза преобладающее качество его души — это доброта; его мягкія черты не отличаются жестокостію; онъ дорожитъ себѣ просто и истиннымъ добромъ. Франкій, кто посмотритъ на него никогда, скорѣе скажетъ: «это добрый человекъ», чѣмъ: «это умный человекъ». Но изъ этого качества можно заключить, чтобы Кондорсѣ былъ тѣмъ, чего пришло назвать добромъ. Природа одарила его великимъ умомъ, сильнымъ талантомъ. Умъ его обладалъ божественными свойствами; онъ безконеченъ и вселененъ. Свѣдѣнія его души наполнены его умъ, они отличаются тѣмъ же разнообразіемъ и такой же силой. Доброта его безгранична; это свѣтъ рода фантъ, на который можно рассчитывать каждой, въ немъ упреждающійся.»

«Онъ обладалъ особенотличкою доброты и за каждый изъ нихъ какъ бы былъ болѣе любилъ тѣмъ, кто его знаетъ. Онъ отличается такою чувствительностію, что несчастія и страданія его друзей всегда кажутся ему собственными. Онъ любитъ много и любитъ глубоко. Каждый изъ его друзей не могъ жалеть отъ нихъ ничего болѣе, и могъ считать себя его единственными друзьями. Между тѣмъ же, мало знакомые Кондорса, легко могли принять его за человека холоднаго. Никому никогда не говорилъ онъ и своею любовью, но не выпускаетъ изъ одного случая доказать это въ дѣлѣ. Онъ не располагаетъ насъ ни къ какому предвѣданію истинности и сердечности извѣщаній; мы не приходимъ къ нему, чтобы открыть свое сердце, но также намъ никогда не приходило въ голову сержать отъ него, что-бы то ни было. Съ нимъ каждый чувствуетъ себя, какъ съ самимъ собой.»

«Я сказалъ — умъ его отличался необыкновеннымъ разнообразіемъ; изъ этого можно было бы заключить, что бесѣда его была оживленная и разговоръ полонъ остроуміемъ. Въ действительности же оказывается, что онъ въ обществѣ болѣею частью молчитъ и говоритъ только то, о чемъ его спрашиваютъ. Все то, что онъ считаетъ необходимымъ сказать Кондорсу — плохой собеседникъ уже знаетъ, что надъ у него всегда разсѣянный

или чужака, во что-то погруженного. В то же время из внешней стороны странно, что от него ничто не ускользает; он замечает все до мельчайших подробностей, угадывает все глубинное и передает это с такой точностью, с такой безоспадной остроумностью, которое имеет представлять собой контраст с его необыкновенной снисходительностью к людям.»

«Работая по десять часов в день, Кондорс не переставал читать, не занимаясь ни чем, как будто терять время и готовый отдать его первому употреблению. Был философом, отличался нравственной деятельностью, а еще у него способный, хотя у человека, которому все триумф-трагедия. Он никогда не жаловался на то, что люди отнимают у него время, него всегда открыта для всех и свободно. Кондорс совершенно отключался от светской жизни и предвещал видиться с тобой, кому был приятен. Он хотел только пожертвовать для друзей и дорожить только своим приватностью. Он любил театр, но никогда не общался с ним, чтобы иметь возможность отдавать короткое время своим друзьям. Кондорс жил на ласке, хотя иногда и у него появлялись признаки ревности — не так одной любовью обязывать и играть с своим другом после долгой разлуки.»

«Его безмятежная душа, по извешенной обожанию из составных элементов, становилась страстной и пламенной, когда дело шло о власти, угнетении или о власти свободы; он постигал случаи от страдания, дифференцировать, говорить, писать со всей силой своего великого человека».

«Я не знаю, существовало ли Кондорс чувство тщеславия, которому так сильно подвержены все люди только сказать, что был человек и он не знает случаев не удался постигнуть из него не величайшего проявления этого чувства.»

Следует отметить преобладающие или характеристичные черты в его жизни.

Итак, по мнению г-жи Лестажес, Кондорс был полон своим рисунком контрастов, которые однако все легко объясняются соединением большой чувствительности с душевными сдержанностью. Даламбер говорил о нем: «это вулкан, который спит».

О нем же можно сказать, что он был человеком, который не мог не быть таким, как он был.

229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500
501
502
503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518
519
520
521
522
523
524
525
526
527
528
529
530
531
532
533
534
535
536
537
538
539
540
541
542
543
544
545
546
547
548
549
550
551
552
553
554
555
556
557
558
559
560
561
562
563
564
565
566
567
568
569
570
571
572
573
574
575
576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589
590
591
592
593
594
595
596
597
598
599
600
601
602
603
604
605
606
607
608
609
610
611
612
613
614
615
616
617
618
619
620
621
622
623
624
625
626
627
628
629
630
631
632
633
634
635
636
637
638
639
640
641
642
643
644
645
646
647
648
649
650
651
652
653
654
655
656
657
658
659
660
661
662
663
664
665
666
667
668
669
670
671
672
673
674
675
676
677
678
679
680
681
682
683
684
685
686
687
688
689
690
691
692
693
694
695
696
697
698
699
700
701
702
703
704
705
706
707
708
709
710
711
712
713
714
715
716
717
718
719
720
721
722
723
724
725
726
727
728
729
730
731
732
733
734
735
736
737
738
739
740
741
742
743
744
745
746
747
748
749
750
751
752
753
754
755
756
757
758
759
760
761
762
763
764
765
766
767
768
769
770
771
772
773
774
775
776
777
778
779
780
781
782
783
784
785
786
787
788
789
790
791
792
793
794
795
796
797
798
799
800
801
802
803
804
805
806
807
808
809
810
811
812
813
814
815
816
817
818
819
820
821
822
823
824
825
826
827
828
829
830
831
832
833
834
835
836
837
838
839
840
841
842
843
844
845
846
847
848
849
850
851
852
853
854
855
856
857
858
859
860
861
862
863
864
865
866
867
868
869
870
871
872
873
874
875
876
877
878
879
880
881
882
883
884
885
886
887
888
889
890
891
892
893
894
895
896
897
898
899
900
901
902
903
904
905
906
907
908
909
910
911
912
913
914
915
916
917
918
919
920
921
922
923
924
925
926
927
928
929
930
931
932
933
934
935
936
937
938
939
940
941
942
943
944
945
946
947
948
949
950
951
952
953
954
955
956
957
958
959
960
961
962
963
964
965
966
967
968
969
970
971
972
973
974
975
976
977
978
979
980
981
982
983
984
985
986
987
988
989
990
991
992
993
994
995
996
997
998
999
1000

229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500
501
502
503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518
519
520
521
522
523
524
525
526
527
528
529
530
531
532
533
534
535
536
537
538
539
540
541
542
543
544
545
546
547
548
549
550
551
552
553
554
555
556
557
558
559
560
561
562
563
564
565
566
567
568
569
570
571
572
573
574
575
576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589
590
591
592
593
594
595
596
597
598
599
600
601
602
603
604
605
606
607
608
609
610
611
612
613
614
615
616
617
618
619
620
621
622
623
624
625
626
627
628
629
630
631
632
633
634
635
636
637
638
639
640
641
642
643
644
645
646
647
648
649
650
651
652
653
654
655
656
657
658
659
660
661
662
663
664
665
666
667
668
669
670
671
672
673
674
675
676
677
678
679
680
681
682
683
684
685
686
687
688
689
690
691
692
693
694
695
696
697
698
699
700
701
702
703
704
705
706
707
708
709
710
711
712
713
714
715
716
717
718
719
720
721
722
723
724
725
726
727
728
729
730
731
732
733
734
735
736
737
738
739
740
741
742
743
744
745
746
747
748
749
750
751
752
753
754
755
756
757
758
759
760
761
762
763
764
765
766
767
768
769
770
771
772
773
774
775
776
777
778
779
780
781
782
783
784
785
786
787
788
789
790
791
792
793
794
795
796
797
798
799
800
801
802
803
804
805
806
807
808
809
810
811
812
813
814
815
816
817
818
819
820
821
822
823
824
825
826
827
828
829
830
831
832
833
834
835
836
837
838
839
840
841
842
843
844
845
846
847
848
849
850
851
852
853
854
855
856
857
858
859
860
861
862
863
864
865
866
867
868
869
870
871
872
873
874
875
876
877
878
879
880
881
882
883
884
885
886
887
888
889
890
891
892
893
894
895
896
897
898
899
900
901
902
903
904
905
906
907
908
909
910
911
912
913
914
915
916
917
918
919
920
921
922
923
924
925
926
927
928
929
930
931
932
933
934
935
936
937
938
939
940
941
942
943
944
945
946
947
948
949
950
951
952
953
954
955
956
957
958
959
960
961
962
963
964
965
966
967
968
969
970
971
972
973
974
975
976
977
978
979
980
981
982
983
984
985
986
987
988
989
990
991
992
993
994
995
996
997
998
999
1000

честолюбія. Разумѣется, оно не укрѣплено бы отъ произволительности глазъ Ласинаваса, еслибы его можно было отыскать въ сердцѣ Кондорса. Такая совершенномъ откровеннѣе честолюбія объясняется нѣчтое въ жизни Кондорса, и между прочимъ то, что у него совершенно не было личнымъ врагамъ между современниками.

Всегда отношенія его къ людямъ можно назвать безразличными; въ этомъ онъ стоялъ покомителю нѣмалъ всего свѣтъ величия современниковъ; особенно же его парализовало съ этой ссорой друга съ Вольтеромъ. Жизнь Вольтера, написанная Кондорсомъ, представляется замѣчательное литературное произведеніе; оно служитъ и теперь лучшимъ источникомъ для біографіи пераго. Мы находимъ здѣсь такое, неосторожное пониманіе личности великаго мыслителя и вѣра, безпристрастную оцѣнку его дѣятельности. Но самое близкое для насъ въ данномъ случаѣ это то, что въ біографіи Вольтера, написанной Кондорсомъ, съ особенной яркостью выступаютъ все, что было лучшимъ въ Вольтерѣ. Въ предисловіи своемъ къ «Жизни Вольтера» Кондорсъ говоритъ, что она должна быть исторіей прогресса и искусства, который привнесъ отъ такъ много пользы свѣтъу гонимъ, исторіей его могучаго вліянія на умственное жизнь и характера свѣтъу современниковъ, исторіей исторіей долгой войны съ предрассудками, обманчивой философскіе въ самые темные гдѣи и освѣтительскія только съ его смертью. Кондорсъ какъ нѣмалъ лучше сужденій оцѣнить главнымъ чертамъ характера Вольтера отъ друга и соросомонника, который мало гармонировалъ съ первыми и въ замѣчательной степени ослабилъ произведеніе илѣ обаяніе. Мы находимъ уже въ андерсонъ письма Кондорса къ Тюрго, приведенныя въ первой главѣ, что онъ нѣсколько не былъ оцѣнленъ Вольтеромъ, напротивъ, какъ нѣмалъ лучше находилъ его слабости, но онъ нѣкогда не хотелъ въ его славы затмить достоинства Вольтера. Изъ объясненій пераго Кондорса съ Вольтеромъ также видно, что перый очень часто говорилъ въ глаза правду второму, но всегда такъ, что это нѣсколько не портило ихъ отношеній. Разумѣется, это обуславливалось не однимъ великимъ признакомъ, вѣжливостію или мягкостію, которыми въ высшей степени обладали Кондорсъ. И другіе друзья Вольтера болѣе или менѣе отличались тѣмъ же качествомъ, но нѣкто изъ нихъ не былъ въ такой степени чужды зависти, какъ Кондорсъ, и нѣкому изъ нихъ не была

иногда дорожа славой Вольтера. Такая отношение к Вольтеру открыли Кондорсе возможность ближе узнать философские философа, и притомъ съ лучшей стороны. Другимъ Вольтера из маркиза Шатола и личность всѣмъ дѣлалъ, полвероятности столько переубаждать, Кондорсе измѣнить измѣняюща образы:

«Недолго до начала тѣсной инаго дружба поставила Вольтеру ближе теплое утѣшеніе и увеличивала его любовь къ учености, то была дружба маркиза де-Шатола, тоже страстно преданной наукѣ и славы. Она была философа, но исповѣдывалась то философское ученіе, которое заключаетъ своей деятельности въ сильной и свободной думѣ; она вслѣдствіе изучала естественную и геометрію, что могла разобрать Лейбница и переводить Ньютона, занималась исторіею, зная въ насъ такъ, не и какъ предпочитала изученію жизни людей и вообще чело-вѣческой природы. Такова была наука, которую избралъ Вольтеръ, чтобы вести жизнь чистого труженика, утѣшенію только интимной дружбы». Далѣе Кондорсе трогательно описываетъ смерть маркиза, которую ускоряла ее усиленная работа, и глѣбоко, безмолвную печаль Вольтера. Онъ говоритъ: «Вольтеръ всматъ и измѣнить утѣшеніе въ усиленномъ трудѣ. Маркизъ призывалъ это его безчувственности». Кондорсе же, желая измѣнить чело-вѣческаго сердца, замѣчаетъ, что «утихо-смирнить свои чувства чело-вѣкъ неспособенъ у людей способныхъ сильно и глѣбоко чувствовать, къ числу которыхъ безспорно принадлежалъ Вольтеръ». Престарѣлый философа, сатранисъ, по словамъ Кондорсе, «до глѣбокой старости своей отлучалась къ свободѣ, дѣятельности министра Тюрго прино-дана она въ тѣсной восторгъ, что онъ не разъ готовъ былъ дѣлать ту руку, которая подписывала декреты, касающіеся къ распространѣнію свободы и равенства между людьми».

Переписка Кондорсе съ Вольтеромъ продолжалась около восьми лѣтъ, съ начала для знакомства и до самой смерти Вольтера, въ 1778 году. Мы конечно не имѣемъ настрѣнія издать въ нее подробно, но приведемъ здѣсь съ вниманіемъ вы-держки, которыя существенно необходимы для характеристики ихъ отношеній.

Въ биографіи Вольтера Кондорсе рисуетъ его врагомъ вса-лого утѣшенія и неправды. Онъ говоритъ: «если добродѣтель состоитъ изъ того, чтобы дѣлать добро и любить чело-вѣчество со страстью, то кто больше Вольтера заслуживаетъ названіе

добродетельного. Желание добра и любовь къ славы — единственные страсти, никогда его не покидавши».

Она также останавливается свои главные взгляды на тіе же сочиненія Вольтера, въ которыхъ проводится дорога ему убѣжденія, а именно: стать людьми «Естественный законъ» и «Разрушеніе Деспотизма», потому что изрѣчать въ нихъ доказательства существованія общечеловѣческой нравственности, независимой отъ предрассудковъ. Но самымъ большимъ стремленіемъ, по его мнѣнію, заключалось трактаты о вѣрности или пошлости крѣсть великановъ.

Вольтеръ также любилъ востановить въ парижской школѣ свое «Принцъ», — трагедію, написанную имъ въ сарбской старости. Кондорс, будучи податчъ этой пьесы, сильно возмущался противъ мнѣнія Вольтера; отъ пьесы въ Формей по поводу этого въ концѣ 1777 г.: «Высказано, что вы пріучили насъ къ совершенству своимъ описаніемъ страстей, драматическимъ законамъ и характерамъ, какъ Расинъ — къ совершенству слѣга... Вы сами живемъ въ высшей требовательности».

На это Вольтеръ отвѣтилъ Кондорсу слѣдующимъ письмомъ:
«Формей, 12-го января 1778 г.

«Мой милый всеобъемлющій философъ, живи такимъ образомъ все удивленіе, а наша дружба имѣтъ съ каждымъ днемъ становится все драгоценнѣй. Мнѣ больше и смѣло, что я не радѣю больше никогда на общество восемнадцати-четырелѣтняго старика. Сами не глумясь образованными людьми, то-мившими страсти, убѣдилъ меня въ томъ, что моя пьеса хороша такими же и мнѣнїемъ имѣтъ устоятъ въ Парижѣ. Я былъ въ большомъ горѣ, если бы я не изъ своихъ оцѣнокъ. Я согласенъ со многими вѣнцами, какъ высказанными, и могу еще отъ себя прибавить къ нимъ много. Когда я работалъ надъ произведеніемъ очеркомъ въ картину, какъ унылыя и дружескія замѣчанія увеличивали мои собственные сомнѣнія; въ ко-нечности трудно что-нибудь сдѣлать безъ преслѣдованнаго друга».

Вольтеръ и Монтескье одно время находились между собой. Оба они по сирѣмъ своимъ чувствамъ. Вольтеръ, живя въ Формей, писалъ несколько притическихкіхъ замѣтокъ на «Духъ законовъ» Монтескье и отослалъ ихъ въ Парижъ своимъ друзьямъ, съ просьбой ихъ издать. Кондорсъ составилъ противъ этого желанія и написалъ Вольтеру:

«Неужели вы не видите, неужели вы не понимаете, что на эти завистки вам будут отвечать после всѣхъ вашихъ потугъ этому же писателю? Его поклонники, оскорбленные рѣшай формой вашей критики, начнутъ въ вашемъ сужденіи искать подвѣтъ же проклятью и божь софійскія найдутъ. Какъ Цезарь и тотъ, рассказывая собственнымъ подданымъ, ошибался... Надѣюсь, вы простите мнѣ, что я иду противъ васъ. Какъ признательность заставляете меня говорить вамъ то, что для васъ полезно, а не то, что вамъ вредно. Велика я люблю васъ и вы, то во всемъ соглашались бы съ вами. Мнѣ извѣстенъ проектъ Монтескье, но вамъ-то не слѣдуетъ о немъ говорить».

На это письмо Кондорсэ Вольтеръ отвѣчалъ:

«У меня нѣтъ словъ для отвѣта на письмо прекраснаго философа. Благодарю васъ отъ моего сердца. Что думать, когда вы назвали меня развѣщивателемъ предвѣстий. Никогда не стану ходить въ школу, даже въ школу Ламурозана; еще разъ благодарю».

Во в Кондорсэ послѣдствіи своей стороны былъ записанъ благодарств. Вольтеру. Велика симпатія съ стороны писателя пробудилась въ немъ извѣстный кружокъ талантовъ въ литературѣ.

Первымъ литературнымъ сочиненіемъ Кондорсэ было «Письмо теолога» въ изданіи «Словаря трехъ ученыхъ»; оно отличалось блестящимъ остроуміемъ. Онъ написалъ это сочиненіе въ 1774 г. и назвалъ, не подписавъ своего имени. Достоинствомъ этого сочиненія была такова, что оно привлекала самою Вольтеру. Фрейхеймъ же философъ былъ въ то время такъ близка, что болѣе всѣхъ другихъ и тѣхнѣй, отъ которыхъ самымъ усталъ. Онъ рѣшалъ всѣхъ, что его нельзя и поддерживать въ сочиненіи этого писателя; въ послѣдствіи видны были глубокія математическія знанія, а онъ уже сорока лѣтъ такъ оставался отъ знаній математики. Въ молодости Вольтеръ весьма усердно и довольно долгое время занимался математикой и физикой; ему даже не разъ приходило въ голову мысль посвятить себя этимъ наукамъ, но математикъ Клеро отговаривалъ его это, сказавъ, что въ математикѣ онъ не пойдетъ дальше посредственности. Однако, въ изданіи Кондорсэ, занятія математикой принесли очень много пользы Вольтеру, содѣйствуя разностороннему развитію его ума.

Свѣдѣнія «Письма теолога» вѣроятно сообщалъ Вольтеру, что онъ говорилъ всѣхъ:

«Я — восьмидесятилетний старикъ и хочу разречь из своей ветоши». Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ выразился такими словами объ авторѣ «Писемъ теолога»: «Онъ кристерианъ и неостеранжскъ. Писемъ много и длиннѣе, оно безъ сомнѣнія подниметь на ноги всѣхъ враговъ философіи. Я не хочу излагать автора, ни показывая на его слабость. Чѣмъ отвѣтятся на-даль такое сочиненіе, нужно влѣзть съотнѣнскій край». Изъ всего этого мы видимъ, что перомъ пана Кондорсе на литературномъ поприщѣ былъ такъ-же удаленъ, какъ и въ области науки. Но и въ литературѣ онъ также не сдѣлалъ того, что могъ бы совершить, потому что его неограниченно влекла къ себѣ общественная жизнь, и онъ, подъ вліяніемъ Тюрго, началъ заботиться политическою дѣятельностію.

Изъ всѣхъ дружескихъ привязанностей Кондорсе самой сильной была привязанность къ Тюрго. Это была самая особенная дружба: для того, чтобы ее яснѣе, приводимъ слова Кондорсе о другѣ, порочившемъ другаго — Жюль и Сера:

«Нашъ другъ не принадлежалъ къ разряду тѣхъ обыкновенныхъ привязанностей, которыя начинаются и поддерживаются только общими слабостями, влеченіями и пристрастіями.»

«Она обуславливалась естественными необходимыми влеченіями другъ къ другу. Въ знаніи и пониманіи и любилъ привязанности одна чувствами всей страданія другаго и разделялъ его радости. Такой другъ, — это не просто человѣкъ, который предпочитаетъ всѣмъ остальнымъ; это, это совершенное особенное существо; его даже не приводитъ въ голову сравнивать съ тѣмъ бы то ни было; мы любимъ въ немъ не его таланты и доброты, — все это находимъ мы и у другихъ въ такой же степени, — а его самого. Отрывать такое чувство могутъ только несчастные люди, никогда его не испытывавшіе.»

«Такими великими друзьями Кондорсе были Тюрго. Всѣ эти убѣжденія, надежды, мечты и стремленія къ возмужанной дѣятельности были не только егоими, но также ихъ общими. При такомъ расположеніи Тюрго не трудно было развить Кондорсе политическую дѣятельность, къ которой онъ самъ чувствовалъ живѣйшую склонность.»

Послѣ смерти Тюрго Кондорсе написалъ его Огюста. Въ своемъ предисловіи къ ней онъ говоритъ, что разсматриваетъ Тюрго главнымъ образомъ какъ философа, а не какъ государственнаго чина. Этого труда, по его словамъ, — далъ

плати великое человеку, изъ нѣжно любимому, друга котораго была ему такъ прѣстая и полезна, что воспоминавше о ней сдѣлалось однимъ изъ прекрасныхъ и печальныхъ чувствъ, способныхъ повлечь даже существованіе. Взаимно личності Тюрго на жизнь Кондорса было такъ велико, что нѣтъ пристрастнаго о немъ истолкованія словъ. Кондорсъ говоритъ также въ разсказанной біографіи:

«Среди министровъ, которые короткое время держали въ рукахъ свою власть, нѣкоторые заслуживаютъ вниманія. Нечего и упоминать о людяхъ, раздѣлявшихъ убѣжденія и предразсудки своего вѣка. Изъ исторіи слышится съ особенной исторіей. Но люди, одаренные высшими умственными способностями, съ добродѣтелями, исключительными или совершенными, со взглядами, опередившими свой вѣкъ, должны возбуждать интересъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Тюрго. Любимъ во всему человечеству, возмущавшимъ его, побуждаемъ и даже завсѣмъ его біографіи.» Далѣе Кондорсъ прибавляетъ, что друзья конечно не могли не быть безпристрастными, потому что «самое большее благожеланіе, какое можно оказать одному человеку, — это сказать ему все о немъ правду, ничего не утаивая и ничего не преувеличивая». Біографіа Тюрго считается однимъ изъ лучшихъ произведеній Кондорса.

Примечательны нѣкоторые Тюрго, какъ реформатора, Кондорсъ объясняетъ тѣмъ, что весь онъ могъ для достиженія своей цѣли пользоваться всякими средствами, которыя были подъ руками, не разжигать человеческихъ страстей и старался дѣйствовать убѣжденіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Кондорсъ ссѣмилъ съ Тюрго въ первой молодости, какъ и съ Далимбергомъ. Посмотримъ теперь, какое вліяніе имѣла эта дружба на жизнь и дѣятельность Кондорса.

ГЛАВА III.

Министерство Тюрго и его паденіе. — Перевѣдомъ въ политическомъ вліяніи Кондорса. — Кондорсъ — предводителемъ комитета по управленію ширъ и шоссе. — Кондорсъ, какъ секретарь академіи наукъ. — Политическія рѣчи Кондорса въ послѣдствіи. — Рѣчи Кондорса, произнесенныя въ французской академіи въ присутствіи Павла I.

Тюрго съ особеннымъ усиліемъ занимался политической экономіей; Кондорсъ также очень рано началъ заниматься этой

изучить: она не только раздвигала границы Тюрго, но не могла отделиться от него, от своего собственника, трудно это отделить и ныне. Если Тюрго измышляла закон кабудъ истребъ прежде, тѣмъ его измѣнилъ другой раздѣлъ выработала своя, то вслѣдствіи уменьшилъ себя первая, но чувствовала, что сама нечуждо принимать бы къ тому же. Совѣстный трудъ имѣлъ такую особенность бытія. Она ея, разработывая спеціальное вопросъ о торговои тайбѣ, возможности диктандина, что существованіе свободъ для всѣхъ одинаково выгодно, т. е. для земледѣльцевъ, ремесленниковъ, производителей и потребителей. Она гордо убѣждала, что другого средства поправить тотъ недостатокъ общественнаго законодѣнія Франція въ то время не существовала. Тюрго въ состраданіи къ бѣднѣйшимъ членамъ не уступала Кондорсу, и оба друга работали надъ изгнѣніемъ экономическихъ вопросовъ надъ изгнѣніемъ адикоа и того же чувства; она стремилась къ тому, чтобы вывести среднюю степень тайба и установить правильное вознагражденіе работни. Этотъ частный вопросъ былъ дорогъ обоимъ философамъ также по своей тѣсной связи съ болѣе общимъ. Они признавали за всѣми людьми безъ исключенія неотъемлемное право свободю располагать своими имуществомъ и физическимъ трудомъ и составляли противъ всѣхъ естественныхъ формальностей.

Послѣ смерти Людовика XV Тюрго, вѣдѣющему своей карьерѣ и свѣдѣющему измѣненію на общественномъ отношеніи, открылась широкая дѣятельность: сначала онъ былъ сдѣланъ министромъ финансовъ, а черезъ нѣсколько послѣ того, въ августѣ 1774 г., — министромъ финансовъ.

Взвѣсъ такой важной и высокой поста, Тюрго, разумеется, не забылъ своего дѣльного сотрудника въ разработкѣ вопроса политическаго измѣненія и философіи. И прежде всего въ время своего кратковременнаго управленія морскими министерствомъ Тюрго сумѣлъ привлечь къ этому дѣлу измѣненію своихъ преслѣданныхъ друзей. Дамьбуръ писалъ Лагранжу: «Вы, измѣнникъ, помните, что я сдѣлаю директоромъ казначейства и получу 6.000 франковъ жалованья. Все это неправда. Кондорсо, Вассо и я, всѣ мы, всѣ друзья къ Тюрго, поможемъ ему своимъ содѣянн въ этомъ дѣлѣ, но мы отказались отъ вознагражденія, предложеннаго намъ контролеромъ финансовъ».

Нѣтъ преувеличенія Кондорсо съ Тюрго имъ измѣненію однаго, что въ 1774 году у Тюрго была мысль назначить Кондорсо министромъ

торого члена, на должность, сопряженную съ значительнымъ окладомъ, но Кондорс не хотѣлъ отказаться отъ этого блестящаго предложенія. Съ вернымъ духомъ независимости Тюрго отъ зналъ истре председателемъ комитета по управленію ширъ и вѣсовъ. Въ этой должности онъ былъ на своемъ мѣстѣ; благодаря его трудамъ, управительное собраніе постановило принять десятичную систему. Но довольствуясь этимъ участіемъ, онъ стремился распространять эту систему въ другихъ Франціи съ этой цѣлью назвалъ польскому королю Станиславу Августу.

Легко понять, что Тюрго, съ своими философскими взглядами на жизнь, долженъ былъ вступить въ борьбу съ существующими предрассудками; его считали естественнымъ противникомъ, противъ него возмущались... Кондорс, разумеется, не могъ оставаться зрителемъ этой борьбы чуждымъ съ бурной страстью, онъ принималъ въ ней самое живое участіе и употребилъ все зависящее отъ него средства вынудить своихъ соотечественниковъ взгляды Тюрго и свои на государственные вопросы. Онъ выставлялъ яркимъ противникомъ взглядовъ Вольтера, отрицавшего свободу торговли шибомъ, остроумно сличая эти взгляды въ своемъ сочиненіи «Школа земледѣльца или Пинардъ изъ протекціонисту». Вольтеръ говорилъ въ этомъ сочиненіи: «это нисколько—торговая вещь, разумная вещь и въ то же время торопенькая вещь». Вольтеръ думалъ, что одно это нисколько способно обмануть людей, но жестоко ошибся; его не поняли, и Кондорс всталъ въ известъ болѣе подробный критическій разборъ мнѣній знаменитаго французскаго банкира Неккера. Сочиненіе это извѣстно подъ заглавіемъ: «Разсужденія о торговлѣ шибомъ»; оно представляло строго научное изслѣдованіе этого предмета и въ свое время произвело сильное впечатлѣніе, которое пошлою на собой общее возстаніе всѣхъ высочайшими примерами Неккера; съ тѣхъ поръ нисколько независимыми люди сличались неумеренными взгляды Кондорса. Независимость Тюрго была весьма кратковременно. Мѣсто Тюрго вскоре занялъ Неккеръ. Общественная дѣятельность Кондорса была прервана; онъ хотѣлъ было сложить съ себя и обязанности председателя комитета управленія ширъ и вѣсовъ, объясняя это сличующимъ образомъ въ письмѣ къ Морено: «Я высказался въ такомъ смыслѣ о трудахъ Неккера, что мнѣ невозможно охранять истре, возмущенна въ зависимости отъ него. Мнѣ неріетно быть удельникомъ его власти, а еще бо-

не быть оставленным по его желанию». Однако, несмотря на предложение Бенкера, Кондорсе до 1791 года занимал важную должность: это можно объяснить только тем, что он был необходим даже в глазах Бенкера. Но, разумеется, одна эта деятельность не могла удовлетворить Кондорсе. Он снова обратился к науке. В одно из своих писем, написанных в этою времени, он говорит о своей общественной деятельности с Тюрго во время министерства послѣднего: «Мы видели многого отъ, въ сущности отъ продолжался по долгу. Я снова отдался геометріи. И скучно, и грустно работать для общественной славы послѣ того, какъ испытала наслаждение труда на пользу человечества».

Тюрго же, разочарованный въ результаты политической деятельности, ставилъ ему слѣдующее: «Я утѣшаю, что одна изъ главнѣйшихъ наукъ можно привести болѣе далеко, чѣмъ занималъ тѣ второстепенныя науки, въ которыхъ мы съ вами тщетно старались слѣдать догмъ и всего чина сдѣлавшись науки орудіемъ непроизвольно болѣе или менѣе». *Тюрго, 1791 г.*

Послѣ паденія Тюрго и соинимателя Бенкера, въ уездѣ послѣднего, онъ сдѣлалъ попытку заняться политико-экономическими сочиненіями Кондорсе. Бюфланъ писалъ Банкору: «Я никакъ не начинаю изъ этихъ книгъ босадытъ; это кака-то пошлость, напоминающая себя элементарныя».

На утѣшить и Вольтера; онъ написалъ статью въ честь г-на Бенкера, превозносящую извѣстнаго ей супруга. Впрочемъ такого рода статьи были только обитая дань близости въ то время, и никто не приписывалъ имъ важнаго значенія. Однако Кондорсе не простиалъ Вольтеру. Этотъ философъ самъ не отказалъ для преданія обличая, онъ написалъ въ Ферней: «Я сердитъ на васъ за эти статьи. Вы сами не можете читать своихъ книгъ. Вы напоминаете теломъ, аплодировавшаго армянину, переданному Зосару. Самъ я не читалъ вашихъ статей, но слышалъ, что вы сравниваете супруга Бенкера съ Каноникомъ. Это, какъ хотѣло, напоминаетъ мнѣ одного иностранца, который рассказывалъ, что видѣлъ во Франціи трехъ великихъ людей: Вольтера, Даламбера и аббата Буассона».

Министерство Тюрго хотѣло огромное вліяніе на всю дѣятельную деятельность Кондорсе; онъ хотѣлъ хотѣлъ случай прекрасно изучить механизмъ администраціи во Франціи, глубоко понять и указать всѣ ея недостатки и на лучшее вліяніе

на будущее государство. Ладнее, кариолобавиши въ то время представлялась возможная возможность сколько угодно ловить рыбу въ мутной водѣ, а честности жалко такъ худо, что даже министръ Тирго предостерегалъ своего друга: «Во изворово дѣлаете, что пишете ко мнѣ по почтѣ; вы этия кредиты общѣ и своимъ друзьямъ. Приму часть, переписывайте же письма черезъ друга или отдавайте ему прямо въ руки концы курьеровъ». Подозрительность доходила въ то время до того, что чернымъ кобленомъ распоряжался даже посолъ министра. Свои мысли о правлении Франціи въ то время Кондорсъ весьма определенно и горячо высказалъ также въ биографіи Тирго, изданной имъ въ 1786 году; тогда уже называя, Кондорсъ возмущался противъ злоупотребствъ, совершаемыхъ дворянствомъ. Но останавливаясь на этой частности, онъ, съ своимъ философскимъ изслѣдованіемъ, доказывалъ самымъ общимъ образомъ позорность и безнравств. Намъ на счету благоустроеннаго общества, онъ угадывалъ между прочимъ и право пересмотрѣть конституцію; онъ писалъ: «Неизбѣжную конституцію можно изучить только съ любви; одному Богу собственно дано въ сердце мнѣніе; между нами нѣтъ и великихъ древнихъ законодателей; у насъ нѣтъ дельфійской Пифіи. Нинѣшніе законодатели — люди общественныя; такимъ же людямъ могутъ они давать только временныя законы». Но останавливаясь на этой общій напутіи и корню слѣда за всѣмъ, что дѣлалось вокругъ, Кондорсъ обращалъ вниманіе на то, что требовало безотлагательнаго вниманія; онъ обращалъ вниманіе правительства на необходимость издѣланія закона объ уплатѣ податей. Кондорсъ же первый измѣрялъ только объ означенныя послѣдствія бумажныхъ денегъ.

Много лѣтъ занималъ Кондорсъ въ разъясненіи различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ тѣмъ, что онъ самъ называлъ общепринятымъ благосостояніемъ; теоретическая его дѣятельность въ этомъ отношеніи представляется поразительно разнообразна. Онъ писалъ о равенствѣ и монархизмѣ, объ уголовномъ судѣ, о свободѣ печати. Въ 1780 году Кондорсъ издалъ свои знаменитыя прінципы въ 29 книгъ «Духа законовъ» Жюзефа. Здѣсь онъ говоритъ о свойствахъ ума, необходимыхъ законодателямъ, даетъ критерій для сравненія законовъ, представляетъ различные соображенія, которые должны быть приняты во вниманіе при составленіи законовъ, и т. д.

Мы уже говорили, что теоретическія занятія возросли у Кондорсе подъ вліяніемъ природной сострадателности къ людямъ. Исторія его изобилѣетъ въ области политики ясными подтверждающими высказаніемъ предположенія. Сначала онъ восталъ противъ лютыхъ паразитовъ, историчности несправедливаго суда, и его мысль работала надъ претвѣніемъ угнетенія этихъ массъ. Дальнѣйшія размышленія привели его къ болѣе общему изъ прочтѣній, и онъ устрѣмилъ спасеніе общества къ экономическимъ реформамъ, свѣдущимъ въ свободу труда. Дѣятельность Тюрго убѣдила его въ томъ, что такія реформы вліяютъ наѣтъныя формы правленія. Реформы Тюрго встрѣтили сопротивленіе въ конституціонной партіи, и Кондорсе сталъ вставать противъ паразитизма. Во время своего излѣченія и статьи, относящіяся къ тому времени, Кондорсе не говорилъ ни слова о возможности республики для Франціи и въ этомъ отношеніи стоялъ на консерсѣ, убѣжденный въ томъ, что правительство, выходя галузу народа, обрѣдаетъ легитимность парламенту въ общенациональн. реформамъ. Онъ издѣливалъ свое мнѣніе только послѣ того, какъ потерялъ вѣру въ Людовика XVI.

Почти всѣ письма Кондорсе къ Тюрго и къ Вольтеру, относящіяся къ тому времени, характеризуютъ парціальн. дѣятельн. парламента, въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: «Пока парламентъ будетъ жить въ своемъ рухлякѣ, онъ не можетъ надорѣть за конституціонизмъ и свободу — сама останется сиротой. Откажитесь изъ у него — сама останется за нимъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда правда и разумъ будутъ на его сторонѣ». Въ другомъ письмѣ онъ прибавляетъ: «Пусть дадутъ народу хлеба и дарованъ судой — тогда можно терпѣливо ждать возмужанія габелы предразсудковъ и всего, что возмѣдетъ въ немъ свое занятіе.»

Дѣйствительно, парламентъ въ это время впадалъ въ большой истеричизмъ и жегъ одну за другой полемич. книги. Такъ напримеръ, онъ запрѣтилъ книгу Кондорсе объ отчуждѣн. барщинахъ, и наислѣ членовъ требовали ея сожженія.

Въ началѣ 1776 года Кондорсе писалъ: «Парламентъ жадаетъ габелы Тюрго», и вскоре послѣдній Кондорсе обличилъ.

11 мая 1776 г. Тюрго получилъ отставку, и Кондорсе писалъ къ Тюрго: «Наглость парламентскаго дѣятеля дошла до того, что она домогается запрещенія писемъ противъ него; она не-

дѣются закрыть: языкъ уста; языкъ жаждѣтъ нарушить эту тайну! Вотъ до чего мы тали, дорогой учитель, а съ какою жадності!»

Парадоксомъ съ знаніями общественныя вопросы ила научная дѣятельность Кондорса, которая главнымъ образомъ состояла въ отправленіи обязанностей секретаря академіи наукъ; эту должность онъ занималъ, какъ мы уже говорили, съ 1775 г. Съ этого времени Кондорсѣ не отлучался никуда изъ Парижа, но никогда также совершенно не прерывалъ своей связи съ наукой. Всю жизнь онъ съ большимъ рвеніемъ сидѣлъ на ученыхъ суждѣхъ математическомъ и физическомъ и, предаваясь съ любовью заниматься прикладною математикою въ сложномъ лабиринтѣ общественной жизни, практиковалъ теорію вѣроятностей въ нѣкоторомъ видѣ изобрѣтательнаго устройства. Въ занятияхъ наукой Кондорсѣ всегда находилъ средство сохранить свѣжесть своего ума; сверхъ того онъ преподавалъ, какъ мы знаемъ, большое образовательное значеніе своимъ различнымъ наукамъ.

Въ началѣ владѣтельными трудами Кондорса относится возмужавшая записка «о лучшемъ устройствѣ умнаго общества»; она была написана для венскаго правительства. Въ этой запискѣ замѣчательно хорошо выражена мысль, что при выборѣ академиковъ не слѣдуетъ обращать вниманія на различіе вѣроисповѣданія; Кондорсѣ говоритъ: «еслибы академія состояла изъ аристотеля, Аристотеля, изъ Сократа Платона, изъ Галлея, изъ Декарта, изъ Паскаля, изъ Ламонтана Кассини, изъ Гюйгенса, изъ Бэкона, изъ Ньютона и изъ Лейбница, то, вѣроятно, это была бы не самая академія!»

И такъ, Кондорсѣ, едва вступивъ въ академію наукъ, обнаружилъ вѣроисповѣданіе и свободомысліе, которое не всѣмъ членамъ академіи было встрѣчено дружелюбно. Въ академіи наукъ, какъ всегда и всюду, существовали различныя партіи, и противъ Кондорса и Даламбера всегда враждовала партія Виффана.

Въ то же время Кондорсѣ контактъ между прочимъ противъ доущанія иностранцевъ въ академию. Это поразилось въ первое время, но владѣть собою оправданіе въ томъ, что въ то время французское правительство слишкомъ усердно осматривало своими милостями посредственныхъ иностранцевъ и не рѣшалъ въ ущербъ своимъ національнымъ согражданамъ.

Фонтенелл, первый секретарь академии наук, сообщая этой должности такой блескъ, что по смерти его долгое время никто не рѣшился принять ее на себя. Гранъ-Фурн занималъ эту должность гораздо дольше, чѣмъ до наступленія Кондорсе въ академию. Дряхлость и старость Фурн принуждали его искать себѣ помощника; послѣднему пришлось имѣть съ тѣмъ сдѣлаться и преемникомъ Фурн, потому большая часть членовъ, то внутреннею Боффона, возстала противъ назначенія Боффона помощникомъ Фурн; Боффонъ сильно стоялъ на астролога Балли. Сиромый Кондорсе, избранный, благодаря избранію Даламбера, своими трудами заботился оправдать отданную ему предпочтеніе. По уставу академіи, избранному еще въ 1644 г., обязанности непрѣнимаго секретари заключались между прочимъ въ особнѣйшую заботу удерживать академикомъ.

Фонтенелл написалъ большое число біографій, но далеко не исчерпавъ всего наземнаго и подземнаго. Академики, умершіе между 1666 и 1699 г., не имѣли біографій. Тутъ большой и важной пробѣлъ надо было заполнить. Кондорсе; онъ написалъ біографіи Галлеуса, Рейсманна, Пелэра, Мариотта, Ремюра и др. Эти труды, требующіе глубины и разнообразія знаний, отличались сѣмью достоинствомъ, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ. Сама же Кондорсе писалъ о нихъ Тирго: «Ваша и прибавили къ біографіямъ немалое блескомъ, въ нихъ было бы проваломъ, но природа совершенно лишена всякой способности замѣтаться изобрѣтеніемъ словъ, которые «сидятъ къ дѣлу».

Біографіи, написанныя Кондорсе, ставили очень много людей, имѣвшихъ понятіе о томъ, съ какою это сопряжено трудна и какою глупаго знанія предмета требуютъ надлежащая оцѣнка заслугъ и значительнаго таланта. Вольтера, Даламбера, Лавуазье всегда отзывались о нихъ съ великимъ уваженіемъ. Даламберъ писалъ Лавуазье: «Кондорсе заслуживаетъ имѣть секретари академіи наукъ своимъ исключительнымъ рѣшаніемъ академикомъ, умершимъ послѣ 1699 г. Онъ имѣетъ у насъ большой успѣхъ». Вольтера сказалъ Кондорсе: «Ваша собранія—драгоценный памятникъ. Вы имѣте знаніе предмета, вы имѣете сиромый и жасковитъ».

Первымъ же трудомъ Кондорсе въ этомъ родѣ была похвальная слово Фонтенеллу, умершему въ августѣ 1771 г. Автору представлялось имѣть неожиданнаго затрудненія. Когда приходило писать біографію современника, необходимо соборно-

ваться съ требованіемъ снискать, друзей и враговъ. И ты, и другіе не видите чуждаго лица, каковы вы были въ действительности, а чужды и не хотятъ видеть. Только время отщипаетъ личность великаго человека отъ общей массы практической жизни и пристрастій! Кондорсэ какъ великаго друга соединялъ, кавай осторожности и общности требуетъ отъ автора біографіи современника. И въ перепискѣ Кондорсэ съ Тьеромъ видно, что онъ занимался «Фотомеморъ» ціиі годъ, а все же писалъ по обыкновению великому біографу. Лагранжу въ своемъ писмѣ къ Лагранжу напоминаетъ ее историческимъ произведеніемъ. Вольтеръ писалъ о ней Кондорсэ слѣдующее: «Вы доставили мнѣ величайшее наслажденіе изъ возможныхъ... Суди предметъ въ гармоніи благородной и глубокой гармоніи, старосинтоской всѣхъ женщинъ людей... Если бы принадлежалъ къ концу нашего сочиненія, то я былъ бы восторженъ, но прежде возманилъ мнѣ отдать ее переписать для себя лично». Въ этомъ письмѣмъ велика Вольтера и величайшее великое произведение.

Главнымъ достоинствомъ біографіи Кондорсэ было то, что авторъ исторически образовалъ главные черты характера и раскрылъ деятельность величайшихъ людей въ связи съ исторіей прогресса человеческого ума. Въ написаніи біографіи Кондорсэ прежде всего старался быть доступнымъ для связи слушателей и читателей. Въ немъ вообще можно было признать то, что онъ самъ говорилъ о Франклинѣ: «онъ его соединялъ съ нею на одной сторонѣ, написанной ради славы». Пространство также не было мѣсто въ сочиненіи Кондорсэ. Боффенъ, какъ мы говорили, всегда считалъ вредомъ Кондорсэ. Между тѣмъ его величайшее слово Боффену динуть искренностью и восторженно величайшимъ творца «Естественной исторіи»; въ немъ Кондорсэ говоритъ всему прочему: «Все, что обнаруживаетъ чувствительную и великую душу, найдется въ немъ его творчествѣ, а все это вералось сюда какъ бы противъ его воли; онъ всегда былъ чуждымъ разуму; читая его, какъ кажется, что мы бесѣдуемъ съ самымъ разумомъ, проманимъ равно столько снисхожденія и чувствительности, сколько требуютъ того и другое какъ слабость и какъ польза. Творенія Боффена потянуто поставитъ наряду съ бестіями Сократа-Аристотель писалъ для одного умнаго, Платонъ—для философа, Боффенъ же—для всѣхъ образованности людей».

Какъ известно, что Кондорсэ старался написать пользова-

ное слово Лаврарьеру, потому что онъ считалъ неприличнымъ звать министра и почетнаго члена академіи, названнаго себя распорядителемъ, противникомъ свободѣ печати. Изъ этого мы видимъ, что Кондорсъ былъ способенъ просить предъ сѣдѣніемъ ему лично, но никогда не могъ вынести какого-либо прегрѣшенія противъ общаго блага.

Кондорсъ вообще очень хотѣлъ писать Биографіи, особенно въ томъ случаѣ, если въ характерѣ или въ убѣжденіяхъ даннаго лица было много общаго съ его собственнымъ. Такимъ образомъ онъ вѣдѣлъ писать почтальню слово Лангтала, когда французская академія объявила конкурсъ на этотъ предметъ. Философъ увлекался прелестью и важностью предмета, но думалъ не получать, потому что высылалъ въ редакцію, принадлежавшую академіи. Ну какъ была небольшая рѣчь, которая для своего прототипа требовала бы не большаго труда. Сочиненіе же Кондорса вышло слишкомъ длиннымъ. Жюль Лангталь считалъ эту біографію для тѣхъ, которые, называя въ трудныхъ обстоятельствахъ, предпочитать общаго блага своему самолюбію. Кондорсъ какъ только болѣе давно набросалъ картину того страннаго времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Лангталь; онъ скоро представлялъ намъ Лангтала въ Пизѣ, у Бурбона, въ парламентѣ и на Вандемьерѣ соборѣ, потомъ послѣдовательно разсказъ въ перелѣ чѣтвеніяхъ его разнообразна дѣятельности. Лангталь послѣдовательно является перелѣ нами законодатель, инженеръ, государственный талантъ, Французъ такъ стоялъ въ біографіи Лангтала: «я въ восторгѣ прочиталъ такое прекрасное слово Лангтала; я всегда зналъ, что онъ — великій математикъ; теперь же прочитавъ весь трудъ изъ перелѣ государственныхъ дѣлъ въ Карентѣ».

Но самымъ замѣчательнымъ біографіамъ, вышедшимъ изъ подъ пера Кондорса, считаются біографіи Турго и Вольтера, о которыхъ мы уже упоминали.

Дѣятельность Кондорса во французской академіи отличалась приблизительно тѣмъ же характеромъ, какъ и въ академіи наукъ. Въ 1782 г. въ силу приглашенія Кондорсъ ѣздомъ въ эту академію, на сѣдокъ изъ послѣдній присутствовалъ на сѣдѣніяхъ русскаго престола, наследственнымъ императоръ Павелъ I, совершившій въ то время путешествіе по Европѣ, подъ именемъ графа Штернго. Кондорсъ вынужденъ былъ присутствовать на немъ великаго князя.

И такъ сказать по этому поводу значительную рѣчь. Кондорсэ, какъ и всѣ энциклопедисты, питалъ глубокую симпатію къ Россіи за ее гуманное отношеніе къ великимъ ученымъ того времени, о чемъ уже говорилось нами въ біографіи Эйлера. Приведемъ здѣсь рѣчь Кондорсэ въ сокращенномъ видѣ:

«Время не измѣнило изъ нашей памяти тотъ день, когда академія впервые увидѣла въ себѣ сына своего государя (Петра Великаго), принимавшаго участіе въ изслѣдованіи и съ живыми интересомъ слушавшаго докладъ о трудахъ академіи; но воспоминаю объ этомъ соборіи какъ особенно дорого въ настоящій моментъ, когда мы видимъ передъ собой вѣнцу этого государя черезъ шестьдесятъ-пять лѣтъ возмужавшаго во имъ слѣдѣ. Русскій царь, первый изъ европейскихъ особъ, призналъ среднее знаніе академіи. Онъ не только его призналъ, но и послужилъ, предъ нами явившись сою государю о біографіи Насѣйскаго моря. Предѣли Европы родились въ царствованіе этого государя; царь призналъ въ науку истиннѣе. Эта была самая важная перемѣна въ Россіи соотвѣствовала также счастливымъ преобразованіямъ въ европейской наукѣ. Русскій царь показалъ примѣръ того, какъ слѣдуетъ относиться государю къ просвѣщенію своихъ подданныхъ. Этотъ примѣръ какъ весьма болѣе подѣляемъ на другихъ государей, и такое отношеніе къ просвѣщенію какъ весьма лучше отозвалось на состояніи наукъ». Далѣе Кондорсэ весьма подробно высказалъ, что въ наукѣ есть много такихъ изслѣдованій, результаты которыхъ достигаются только вѣками и совѣстнымъ усиліемъ всѣхъ обязанностей нашего мира. Такия работы не приносятъ людямъ ни должнаго вознагражденія, ни славы, потому только правительство можетъ поощрять ихъ денежъ лавой. Онъ говорилъ главнымъ образомъ объ изслѣдованіяхъ въ области метеорологіи, исторіи земного шара, исторіи commerce и съ изобрѣтеніями, недоступными для частнаго человѣка, и требуютъ трудовъ вѣковъ и поколѣній. Кондорсэ заключилъ свою рѣчь замечаніемъ, чтобы правитель продолжалъ такъ слѣдно поощрять преданія и т. д. Къ сожалѣнію, какъ известно, такое поощреніе признало эта рѣчь въ нашемъ великаго князя...

ГЛАВА IV.

Личная жизнь Кандорса. — Отношения его к женщинам вообще. — Женщины на 1-ой де-Гурини. — Личность жены Кандорса. — Общий характер салона Кандорса. — Журнализм деятельности Кандорса. — Кандорса, как журналиста. — Начало его политической деятельности.

Мы говорили, что Даламберг принимал Кандорса «приватно, засыпавшим сафром». Приводя эти слова Даламберга, Араго прибавляет: «Даламберг видел obvious действие этого вещества». Не знаясь современником, догадываясь до него, можно заключить, что Кандорса был одно время, так сказать, жестоко и неудачно влюблен, то же показывала убогообразная прелесть своей любви. Страсть была так велика, что этот нравственноослабленный и формально чуждый подражать о славыистей. Другая Кандорса принимала жадное участие в его сердечном муке. Точно констатируя ему счастливый случай, говорила: «мы никогда не можем отступить, попробуйте написать в статьи свои чувства, это облегчит вас». Даламберг убивался прелестью за рвение какой-нибудь очень трудной геометрической задачи. Кандорса отвечал: «страсти ослабляют весь организм и разум; все, что не сопряжено с сильными ощущениями, не имеет для меня ничего привлекательного».

Эту страсть вытеснил только время. Из биография Кандорса ясно известно, что он не только разделял взгляды на женщин друзей эмпириков, но шел дальше их, считая, требует полного равенства мужчин и женщин перед законом. Эти мысли о равенстве мужчин и женщин им восприняты в из его политическая теория, и в сочинения об общественном образовании, с которыми мы познакомились читателем из последней главы этой биография. Эти мысли о женщинах не представляли ничто такого, чего бы он не слышал в настоящее время, но во всем том, что теперь приводит к полному женскому вопросу, и Кандорса не находил бы ничего для себя нового. Это была безспорно самый серьезный и сильный наметки женского права. Все, что творилось против этого, он отшаргал, исходя безжалостно. Кандорса выступал за женщин не из особой склонности к ним, а во имя высшей справедливости. Он знал

была въ женской обществѣ, а была известна только дружбѣ его съ г-жею Лестивасъ и г-жею Сюрь. И самая его несчастная любовь уже доказываетъ, что онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ называемыхъ поклонниковъ женскаго пола, которые всегда терять способность къ глубокой страсти.

Каждое время имѣть свои выходы на форумъ теплоты-связи отношений. Въ томъ кругу, въ который входило Кондорсѣ, было не въ обычай жениться учиться, а объединяться дѣлать, тотъ дружба съ женщинами и была въ большой модѣ. Даламберъ былъ самымъ явнымъ поклонникомъ и женителѣмъ Лагранжа и спросилъ у него объясненія этого событія его жизни. Лагранжъ отвѣчалъ ему съ полной справедливостью:

«Вамъ бы раздумывать объ этомъ предметѣ, то поступать бы какъ Лейбницъ, который не рѣшился жениться. Ослабить правду, и я самъ никогда не имѣлъ склонности къ супружеской жизни... Я женился, уступая силѣ обстоятельствъ; мнѣ было необходимо устроить судьбу такой моей близкой родственницы, да и самъ я рѣшился въ заботѣхъ и занятияхъ. Я не искалъ нѣтъ вѣнчанья, потому что не считалъ эту церемонію въ образѣ жизни жизни для себя и достойной нашего времени».

Изъ биографіи Даламбера нѣтъ известна его отношенія къ госпожѣ Лестивасъ; такою же приблизительно были и отношенія Вольтера къ госпожѣ де-Шателъ, которая привела къ такому рѣшенію Кондорсѣ. Но его собственная, личная жизнь, вѣрнее извѣстнаго горестнаго событія, в которомъ онъ говорилъ, началась довольно поздно. Это обуславливалось еще не всей вѣрностью тѣмъ, что Кондорсѣ жилъ исключительно въ кругу своихъ друзей и рѣдко посѣждалъ другие общества.

Кондорсѣ женился тридцати-четырехъ лѣтъ; онъ въ то время былъ уже секретаремъ академіи наукъ и председателемъ комитета вѣры и просвѣта; его извѣстна красота г-жи де-Груши, а потому онъ признавался къ ней на служебныя и пріятельскія качества. Свадьба Кондорсѣ состоялась 27 сентября 1787 г. Многіе и другіе посетили утверждали, что г-жа де-Груши также любила безнадёжно другого блестящаго придворнаго вельможу и что съ этой страстью она продолжала бороться и послѣ замужества до 1790 года, когда наконецъ великія достоинства ее мужа мало-по-малу окончательно похоронилъ ее сердце. Г-жа Кондорсѣ отличалась талантами и возно-

начальника образованіе и тогда уже начала писать свои статьи о синагогахъ, которыя были напечатаны только въ 1798 г. Молодая жена раабѣла политическія убѣжденія своего мужа и съ достоинствомъ переводила всё гоименіе, которая обрѣталась на этой стороне аристократіи за живую ищущую интересамъ этого общества. Если подъ именемъ интересовъ разувѣтъ признанія, то Кондорсе вставала противъ нить еще въ самую юную жизнь. Много друзей Кондорсе былъ сначала неурядиво пораженъ тѣмъ, что онъ своимъ личнымъ отношеніемъ предать форму брака, которая въ то время, какъ въ синагогахъ, считалась оставшею для ученыхъ и философовъ. Гертвигъ Ларошфуко осуждала его больше всѣхъ, но когда онъ представлялъ своимъ друзьямъ свою прекрасную жену, она первая сказала на имя Кондорсе: «чи насъ прощайте!»

Кондорсе никогда не былъ богатъ, хотя и занималъ довольно видное положеніе, несмотря на то, что не имѣлъ за собой никакого приданнаго, и долго носился утѣрой слухъ, что герцогу Ларошфуко, трогнутому его безбрачностію, подарилъ ему значительную сумму денегъ. Восемнадцатилѣтняя неискренность этого слуха была доказана.

Дочь Кондорсе считалась однимъ изъ самыхъ пріятныхъ дѣвочекъ въ то время въ Парижѣ; онъ былъ открытъ для всѣхъ людей, траншпирный предметомъ интересамъ. Г-жа Кондорсе хотя и отличалась тонкою остроумностію г-жи Ласпи-насьи, но была проста, искреннѣе и глѣбже. Сѣбѣмъ дружелюбно была придавала ей особую прелесть. Ея богатства отъ природы уединенныя силы на глазахъ у всѣхъ быстро разнѣжались подъ кѣновою рукой. Сѣбѣскими удовольствіями Кондорсе не пользовался. Мужъ успѣлъ убѣдить свою молодую жену въ томъ, что сѣбѣская жизнь—это вѣчно развлеченное безъ удовольствія, тиреланіе, тѣмъ несправедливое, и правды безъ отдыха. Кондорсе совершенно удовлетворяла такая, глубокая правдивость женою, можетъ быть потому, что самъ онъ былъ уже не способенъ къ болѣе страстному чувству.

Общество сына г-жи Кондорсе отличалось большимъ разнообразіемъ. Сѣбѣ жаркимъ энтузіазмомъ встрѣчалась съ будущими революціонерами Робинъ проводить длинный списокъ лицъ, посѣщавшихъ Кондорсе, и вѣдѣтъ конечно, что трудно перечислить ихъ всѣхъ.

Лафайетт встречался здесь с Мирабо, а после смерти последнего заступил его место Кабанис. Намберс вспоминает, как Кондорс контролировал все представлений Барона, из него никак было встретить и короля Давида, и короля Швеции, Англия и Америка.

Согласно духу времени, во время салонных политических вопросы неварь касали первое место, и много из того, что было измышлено интеллектуалом Кондорса, из него сохранились фронтисполь или журнальными статей, возможно было сразу дойти перед друзьями и поддержать их убеждения. Сразу того академических речей и лекций продолжали занимать Кондорса, из то время и из него проходились уже с большой ясностью идея, выходящая вперед из «Нартаст роптания чужеземного разума». Из тому же времени относится знаменитый трактат «прекращении торгоу вопроса». Во него касались из строгого сдержанности всего, что говорилось из то время из принудительный труд и торговля. Сразу того Кондорс стремился доказать, что сама плантация страдает от непроизводительности несамоуного труда и дурного качества обработки земли. Кондорс желал, чтобы освобождение торгов совершилось безболезненно. Знаменитую Кондорс с возможностью дати из Америки не мало сохранилось друзей его с американскими посланниками Джефферсона, и из Кондорс пользовалось большой популярностью из Америки.

Но из то время не касалась голову Кондорс политические вопросы, от продолжал заниматься популяризацией своих научных знаний. Из него выходящих годов прошлого столетия возникла книга «идеи», посвященная до 1848 г., который из настоящее время называют взаимным социализм, потому что из него была прочитана первая лекция Кондорс об истории развития астрономии и применении математики к общественным наукам («Discours sur l'histoire de l'astronomie et le calcul des probabilités», in in 1788), а также курс математической философии отсюда Кант.

Мы знаем, что, хотя Кондорс не мог отдаться одной чисто-научной деятельности, а тем более ограничиться наукой естественной, от из то же время не был практически деятелем из того же смысле этого слова. Мы знаем, что из то время, когда наступал год революции, от размышлял,

рассказывалъ, въ это время между ними главнымъ было революціонерство. Какъ ораторъ, онъ никогда не вынулъ ружья, несмотря на то, что обладалъ даромъ слова, — ему не доставало голоса, дикціи, жестовъ. Кандорсъ занимался въ то время журнальной дѣятельностью. Сперва онъ сотрудничалъ въ «Journal de Paris», а затѣмъ — въ основанной имъ самимъ «Bibliothèque publique de l'homme». Затѣмъ онъ извѣстнаго ряда возмущеній изъ Аристотеля, Маккиавелли, Бодена, Дюкана, Мира, Локка, Адама Смита, происшедшихъ изъ трактату послѣдняго «О богатствѣ народовъ» собственныя изрѣченія. Такъ самымъ образомъ философъ показывалъ, какое образованіе считалъ Кандорсъ необходимымъ для общественнаго дѣятеля. Были статьи, посвященныя въ вопросы дѣл, онъ сотрудничалъ въ журналы 1789 г. и въ финансовомъ общественномъ сборѣ «Журнальный ротъ» («Bouche de loi»).

Вступленіе Людовика XVI въ Варансъ привнесло сильное возмущеніе въ Кандорса, сопровождавшееся несогласіемъ въ его политическія взгляды относительно Франціи; тогда онъ поѣхалъ въ Тулузу. Тамъ началъ читать верную республиканскую партію во Франціи: «Республиканецъ или защитникъ представительнаго королевства». Поступки короля въ то время казались недостойными въ самомъ правдивомъ ему видѣніи и выборъ имъ изъ сословнаго общества, наипаче дѣла короля, безсмертное торжество во Франціи республики. Въ числѣ членовъ этого общества находились и Ларошфуко и Кандорсъ. Этого сбора выборъ же разлился, и рѣшено было уничтожить всѣ проекты и планы Кандорса, въ желаніи общаго блага, съ нимъ соединиться такому рѣшенію; онъ перешелъ въ другое общество, названное Соціаломъ. Послѣднее называлось рѣши Кандорса въ пользу верной республики, и это имело за собой разрывъ Кандорса съ герцогомъ Ларошфуко и съ другими друзьями-республиками. Намъ извѣстно, какое значеніе для Кандорса имѣли эти друзья; онъ имъ приносилъ имъ только въ жертву своимъ рѣшеніемъ. Араго замечаетъ разрывъ этого общаго разрыва. Съ нашей же точки зрѣнія онъ является необходимымъ. Кандорсъ чувствовалъ, что поставилъ на карту дѣятельности: онъ былъ оговоренъ, что не состоятъ членомъ конституціоннаго собранія, и считалъ себя вынужденъ сардоніи: «неужели геометръ, занимавшійся почти треть столѣтія политическими науками и почти первый приложен-

пий въ нѣтъ анализа, но можетъ высказать своего мнѣнія о вопросахъ, разсматриваемыхъ въ конституціонномъ собраніи». Въ то время во Франціи совершался переворотъ и турѣ идеи, мнѣнія такое важное отношеніе къ будущему человечества, что главы дѣлаго міра были устремлены на Францію. Политикъ, какія чувства возмущали въ то время грудь каждого француза, а тѣмъ болѣе челоѣка, жившаго исключительнаго обществянными интересами, какъ Кондорсэ. Каждая дѣятельности его преобладала съ необыкновенной силой, но онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, всѣ были противъ него, потому что всѣ дѣлались тогда на партіи.

Для лучшей характеристика Кондорсэ, какъ политическаго дѣятеля, скажемъ отношенія его къ известнымъ политическимъ революціямъ. Начиная съ Лафайетта Кондорсэ былъ друженъ съ Лафайеттомъ до тѣхъ поръ, когда послѣдній, по словамъ первого, сдѣлался вероломной въ рукахъ контрреволюціи. Поводомъ къ разрыву послужила прѣдлагаемая расправа на Марсовомъ полѣ, послѣ которой Кондорсэ написалъ Лафайету: «Дѣлавать дѣло насъ всѣ считали конституціонною свободой, если же вы будете предавать поступать такъ, насъ будутъ считать traitres свободы». И съ тѣхъ поръ прекратили свои сношенія съ Лафайеттомъ. Марать своей прокламацией анархіи и убійства выводитъ Кондорсэ изъ состоянія обычнаго разномыслія; Кондорсэ нападалъ на него горячо и рѣзко и говорилъ: «Никто въ Буржъ не спросилъ бы при мысли озабоченности съ обществомъ Марата».

Объ отношеніяхъ своихъ къ Дантону Кондорсэ говорилъ слѣдующее: «Меня обманывали въ томъ, что я содѣйствовалъ назначенію Дантона министромъ юстиціи. Я былъ убѣжденъ, что въ министерствѣ необходимо быть челоѣкомъ, разсудительной парадиксъ дѣлѣній, чтобы одерживать пролетаріи страстей. Въ томъ же мѣсто было избранъ челоѣка, который своимъ тараторствомъ, умомъ и ораторскими талантами выходилъ бы на мостѣ своего приговора. Вотъ эти качества соединять въ себѣ Дантонъ».

И Кондорсэ не жалѣлъ, что содѣйствовалъ возмущенію Дантона, хотя становъ ему въ умъ, что онъ черезъ туръ подчинился народу и всегда руководился мнѣніемъ тайны.

Въ Дантонѣ Кондорсэ много дѣлалъ то, что тотъ не имѣлъ возможности и страха къ измѣнить, тайнѣ и добродѣ-

телины. Это была большая радость въ революционеры. Съ жаровидетелем Коцдоромъ соединился по идеямъ, хотя и не принадлежалъ къ нѣмъ партіи, сохраняя свою полную независимость.

«Жаровидетни, — говорилъ онъ, — требуютъ отъ насъ, чтобы я разшелся съ Дантономъ, и Дантонъ встаетъ на мою сторону съ жаровидетелемъ; а же стараюсь только о томъ, чтобы каждая партія поменьше занималась собственными делами и побольше думала объ общемъ благе». Къ Робеспьеру Коцдоръ относился холодно, но снисходительно. Робеспьеръ же считалъ Коцдора, какъ противника въ политикѣ.

Коцдоръ еще въ молодости своей оставляли на него г-жа Лосинская сообщенія въ видѣ политическому и журналистскому между собой контрастамъ. Дѣйствительно, въ видѣ, что онъ явился передъ нами по термину, непримиримый и рѣшительный, то кроткий, добродушный и чувствительный. Известная г-жа Роланъ считала его чуждою божествомъ и, начиная на добротность его пререди, называла его злою, пропитанною сиротами. И впрочемъ нѣкогда раздѣляла это мнѣніе. Но сущности не поддавался въ томъ, что въ Коцдорѣ не было божественнаго прикосновенія святой воли, т. е. страсти браней, отсѣченія гласъ, провозгласа и т. п., и прикосновеніе его жеманной воли можно было видѣть только въ поступкахъ. Оуждала его также за индифферентность взглядовъ. Мы видѣли, что онъ сперва былъ монархистомъ, потомъ же, сравнительно поздно, сдѣлался республиканцемъ. Между тѣмъ во время этого и обнаруживаются нѣжность и посядательность. Всѣ мнѣнія въ его взглядахъ вытекали изъ одного величаваго желанія добра своей роднѣ. Онъ пристраивался къ обстоятельствамъ, изучалъ факты, и отъ этого желанія его постепенно расширялся.

Такъ напримѣръ, одно время Коцдоръ стоялъ за ограниченіе политическихъ правъ однимъ собственникомъ. Въ 1790 г. онъ вставалъ противъ идеи для кандидатовъ въ депутаты, но нѣкогда не вѣдалъ противъ всеобщей и всеобщей такъ на вѣкъ, кто позволяетъ отправлять обязанности активного гражданина.

Черезъ годъ Коцдоръ сталъ возмущаться еще болѣе расширить основы представительства, а при обсужденіи закона 10-го августа 1791 г. онъ встаетъ на предостереженіе избирательнаго права всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ политическую

освідомість, будь она самостійна или ні. Вь представлен-
ності же наш 1798 г. проект конституції признається уже
всеобщее право гражданства. Это несомненное развитие и пре-
даеть особую цінность политическимъ взглядамъ Кондорса;
они установились тѣмъ же путемъ, какими устанавливаются
научные истины въ точныхъ наукахъ.

Въ те время, когда Кондорсэ наконецъ оторвался доступъ
къ той практической дѣятельности, о которой онъ мечталъ
еще въ молодости, ему было уже около пятидесяти лѣтъ. Изъ
своей преимущественной разнообразной дѣятельности философъ
успѣлъ понять все, что могло служить хорошимъ школой для по-
литика. И онъ сознавалъ себя какъ весьма хорошо подготовлен-
нымъ къ этой дѣятельности, но путь его въ эту область
былъ не прямой. Все не вышло изъ генеральной шлюзы.
Засѣдая нѣкогда съ Бальба съ юридическими, онъ знавалъ
себя здѣсь даже выраженнымъ желаніемъ и необходимостію на-
значать министровъ или списка кандидатовъ въ депутаты.
Приблизительно въ то же время Кондорсэ предпринималъ
короткія путешествія, но онъ отказался и указалъ на ма-
нѣжеса Монка, который вскорѣ и сдѣлалъ это вѣсто.

Въ 1791 г. Кондорсэ оставилъ юридическія; его на-
брали комиссаромъ національнаго единства; дѣятельность
его такимъ образомъ вѣдѣсьмо расширилась. Ему принадлежала
редакція адреса, поданнаго городомъ Парижемъ конституціон-
ному собранію, съ требованіемъ измѣненія закона, опредѣля-
вшаго право гражданъ пропорціональное количеству платимыхъ
ими налоговъ.

Въ концѣ 1791 г. Кондорсэ однажды отказался отъ долж-
ности комиссара, желая по что бы то ни стало сдѣлаться
членомъ національнаго собранія. Но здѣсь философъ встрѣтилъ
крайне ожесточенную вражду партій, вооруженную самой чер-
ной клеветой, жертвой которой вскорѣ и сдѣлался этотъ без-
упречный человѣкъ. Одна изъ нафѣетствъ угадать, что секре-
тары академіи по нечаянн вѣстивъ дворъ, вѣль дружбу съ
братомъ короля и въ то же время выказывали противъ двора
въ своемъ сочиненіи. Это было такое обвиненіе въ то
время. Къ счастью, вскорѣ оказалось, что нечестъ почитатель
двора былъ не Кондорсэ, а графъ Орсеи, первый камергера ко-
ролевнаго брата. Несмотря на эти интриги, Кондорсэ, всту-
пивъ въ законодательное собраніе, сдѣлалъ его секретаремъ,

и вскорѣ и президентомъ. Незнать, заступничество и способность голоса лишили его однако возможности поработать съ трибуны своихъ противниковъ и заняться побѣдителемъ въ шумный споръ. Но онъ неизбежно служилъ официальнымъ органомъ собрания, когда оно имѣло надобность обращаться къ народу, къ иностраннымъ государствамъ и къ представителямъ партій. Здѣсь во всей своей полнотѣ являлась убѣдительность рѣчи и безграничная справедливость Кондорса.

Дѣятельность Кондорса въ законодательномъ собраніи была отлична въ примѣніи. Онъ занимался организаціей публичнаго образованія. Въ этому времени относится изданіе его знаменитаго трактата «Sur l'instruction publique» и многое притомъ, относящееся къ подробностямъ организаціи народнаго образованія. Въ послѣдней главѣ мы будемъ говорить объ этомъ сочиненіи подробно, теперь же ограничимся указаниемъ той главной идеи, которой оно проникнуто. Въ воззрѣніи Кондорса имѣть нѣтъ никакого средства установить между людьми возможное равенство и достигнуть непрерывнаго и безпрепятственнаго усовершенствованія рода человеческого. Трактатъ Кондорса, какъ и прочіе, отличается большой оригинальностью и широтой взглядовъ. Онъ, какъ видно, составляли плодъ долгихъ размышленій.

Крѣпкими были, по мнѣнію Кондорса, должны быть сдѣланы — дѣла средства къ образованію. Правительство не должно стараться сознательно будничать гражданъ по собственному плану въ виду какаго-нибудь государственнаго цѣлей, какъ это обыкновенно имѣло мѣсто въ древности. Заботу же о религіозности воспитаній необходимо предоставить самимъ.

ГЛАВА V.

Кондорс — членъ конвента — Участіе въ конституціи временнѣй. — Протестъ противъ суда надъ королемъ. — Общее настроеніе въ то время. — Отношеніе къ консу Кондорса. — Кондорс — членъ коммиссіи составленія проекта конституціи. — Проектъ Кондорса отвергнутъ. — Кондорсъ объявляетъ нѣтъ закона.

Въ Парижѣ во время революціи, когда люди являлись необходимыми страстиамъ, Кондорсъ выходя изъ нихъ терпѣніемъ своей наблюдательностью и сдержанностью; любившая

отъ настолько возмужавъ глаза, что они требовали удаленія его изъ національнаго собрания, но въ провинція люди были не настолько еще опытами событіями, — тамъ больше, чѣмъ въ Парижѣ, знали дѣлу Кондорсе. И по настоятельному требованію въсѣлывать департаментовъ отъ была назначенъ въ комитетъ...

«Комитетъ — это своего рода Гималій», — говоритъ Виктор Гюго.

Въ комитетѣ толпились и спрашивали истинные боги, отечественные теоретики въ области чѣловѣка. Въ то время онъ представлялъ грандіозное собрание. Справа Жюродъ — великій математикъ, слева Гора — гениальный историкъ. Въ между, занимая страсти, представлялись люди-математики. Одни мечтали о законахъ, другіе — о картѣ. Среди потока бѣшеннаго красноречія, среди жон и грандиознаго речита болельщики укладывались и издѣвательское похвально. Давидомъ возглавлять и осуждали школы первоначальнаго обученія; Ренвальеръ-Дюло возглавлять и развѣщивать о томъ, какъ повести философію на ступень реляціоннаго величія. Артисты, ораторы, люди-математики, какъ Давидъ, люди-издѣватели, какъ Кандъ, глѣбаторы и философы, — всѣ стремились къ одной цѣли — прогрессу.

Вотъ въ главныхъ чертахъ картина комитета, начертанная мастерской рукой В. Гюго. Въ сущности, вѣроятно слово, сказаннаго имъ о Кондорсе, не даетъ послѣднюю принадлежность вѣста къ этой картинѣ; Кондорсе стоялъ за долгу, это правда, но далеко не все. Говя его въ комитетѣ была особая исключительность, онъ не принадлежалъ къ числу людей дѣйствія, потому что дѣйствовали въ то время — значило безнадёжно испортить; но имъ также не рѣшились бы его возстановить не только изъ ради математической-утомленности, но также математическо со сѣбѣй глупости. Утомлены — когда после наблюдений и замечаній дѣйствительности свои возмужные сны. Кондорсе же отличался большой объективностью и знаніемъ жизни. Въ то время какъ другіе или къ своей цѣли, не стѣсняясь средствами, отъ захватывали изъ поступки и предостерегали отъ многихъ послѣдствій, глѣбались для чести и свободы французскаго народа. Кондорсе представлялъ собой и науку, и совѣсть комитета.

Въ тотъ промежутокъ времени, когда Кондорсе состоялъ членомъ комитета, въ дѣятельности этого послѣднего выдѣлились

были следующие пункты: вѣдѣніе Франціи на правительство другихъ европейскихъ державъ, процессъ и осужденіе Людовика XVI и составленіе престола новой конституціи. Для того чтобы дать вѣдѣніе о дѣйствіяхъ Кондорсе какъ члена комитета, необходимо охарактеризовать его участіе во вѣдѣнной политикѣ. Значительнаго, что иерархъ Кондорсе въ то время постоянно подымалъ голосъ за войну и старался всѣмъ силами содѣйствовать успѣхамъ французскаго оружія. Такое поведеніе философа осталось-бы для насъ непонятнымъ, если-бы Кондорсе въ то же время не далъ намъ объясненія этого явленія. Но мы знаемъ, что онъ обращался съ нами французской республики въ всѣхъ свободныхъ людяхъ міра, возмалъ свѣтъ истиннаго, адресъ гуманности, вѣщавъ, неслышавъ никому другу въ Швейцарію. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ братски поддаться во всѣхъ народахъ тѣхъ, въ чью страну Франція. Онъ желалъ, чтобы Франція завоевала міръ для того, чтобы сдѣлать всѣхъ людей гражданами. Такой энтузіазмъ состоялъ изъ въ ту эпоху, въ настоящее время эпоха удивитъ своей наивностью мысль Кондорсе о возможности союза республикъ, состоящихъ въ мирѣ, соперничая въ силѣ но не въ вооруженіи даже въ настоящее время. За этотъ энтузіазмъ Кондорсе и прослылъ главнымъ образомъ политикомъ. Но въ сущности Кондорсе утверждалъ слѣдующее: «такъ какъ истина, разумъ, справедливость, права людей, интересъ собственности, свобода и безопасность людей одни и тѣ-же, то нѣтъ противорѣчій въ тому, чтобы сдѣлать государства нѣмѣ общіе всѣхъ законовъ—гражданскіе, уголовные, торговые и т. д. Хорошій законъ хорошъ для всѣхъ, какъ правильный выводъ для всѣхъ обязательна». Такое дѣйствіе какъ будто противорѣчить безспорной истинѣ, что государственное устройство народовъ должно соответствовать его исторіи.

Но ближайшее знакомство съ сочиненіями Кондорсе, а главное съ его перипетическимъ истиннымъ это дѣло состоитъ въ томъ, что. Подъ однимъ названіемъ Кондорсе разумѣть вообще законы, обозначающіе естественныя права человека. Философа, признающій только въ послѣдніе годы жизни возможность республиканскаго образа правленія для Франціи, конечно не могъ считать республику удобной и осуществимой для всякаго другого государства. Самихъ республиканскихъ сторонниковъ Кондорсе въ распространіи заграничной идеи братства

и равенство были Амазаресъ Клотцъ, — это было изъ община стремленій по Клотцъ доходило до крайностей и утѣхи, которые приписывались и Канцлеру, постолю послѣдній и просилъ возстановленія, шараясь съ терпѣньемъ.

Въ качествѣ члена конвента, Кондорсэ принадлежалъ къ числу судей Людовика XVI. Намъ очень важно напомнить, какъ онъ велъ себя въ этотъ дѣлъ. Какъ великий философъ, онъ началъ съ того, что предложилъ конвенту рядъ вопросовъ, которые непремѣнно должны были представиться волею просвѣщеннаго ума, несопримчивому страсти: Возможно-ли судить короля? Его неприкосновенность по смыслу конституціи? Возможно-ли свобода въ томъ государствѣ, въ которомъ законодательный законъ не претѣкаетъ за основаніе суда? Не противна-ли основанія нравственности арестовать поступки, которые не въ высшей мѣрѣ не названы преступленіемъ? Можно-ли справедливо судить когорта изверженія его подданныхъ? Если-ли Людовикъ XVI не былъ убитъ въ своей неприкосновенности, то нужно-ли онъ признавать-бы королю?

Самъ-собой разумеется, что эти вопросы, поставленные Кондорсэ были не въ духъ времени и приняты не по вкусу другихъ членовъ конвента. На него посыпались обвиненія не въ одной силѣ характера, но и въ пренебреженности къ парламентарному образу правленія. Между тѣмъ Кондорсэ твердо стоялъ на своемъ, признавая, что король не отвѣтственъ за поступки, согласные съ предоставленной ему властью, и поэтому считать не только наказаніе, но и самый судъ надъ королемъ незаконнымъ. Конвентъ соединялъ въ себѣ власть законодательную, исполнительную и судебную. Такое соединеніе страсій ума Кондорсэ считалъ противорѣчащимъ всякъ непременнаго политикана о правѣ. Въ ту-же король былъ обвиненъ и осужденъ на смертную казнь прежде суда. Безсмертное сердце Кондорсэ возмущалось такой несправедливостью. Онъ сильно возсталъ также вообще противъ смертной казни и въ это смутное и кровавое время не боялся говорить передъ собраніемъ разъяренныхъ людей: «Смертную казнь я считаю несправедливою...»

Уничтоженіе смертной казни есть одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ для улучшенія рода человѣческаго и смягченія

его правая... Кондорсэ допрасалъ показанія только съ исправительной цѣлью, приводяща пристрастнаго къ раскаянію.

Галась Кондорсэ, разубѣлся, была галасомъ конвокаго въ преставлѣ. Конвентъ не выслушалъ какъ слѣдуетъ его довода и промѣшилъ королю смертной приговора. Человѣческая страсть, играющая иногда такъо большаго рѣшъ въ жизни, въ то время достигла высшаго предѣла. Въ два произнесенія приговора надъ королемъ присутствующіе разсуждали, что одинъ изъ депутатовъ промѣшилъ привести себя собою въ собраніе и, уверая, выдалъ галась изъ жизнь короля; другой послѣ 36-ти-часоваго застѣванія усталъ на скамью и заснулъ, а когда пришла его очередь поднимать галась, онъ разбудилъ, вѣтъ, поустырявъ глаго, сказалъ: «смертъ!» и опять заснулъ.

Дрого изъ прощанья Кондорсэ его пребыванія въ конвентѣ послѣ произнесенія смертнаго приговора короля. Но философа нѣтъ-бы оставить конвентъ неостаточно подъ вліяніемъ горячаго недовѣрія; послѣдствію-же труду было возникнуть, потому что Кондорсэ королю возмѣшалъ неслыханнымъ большинствомъ членовъ конвента. Кондорсэ считалъ себя не вправе оставить конвентъ, пока обстоятельства возмѣшали ему представить палату, сколько-нибудь сдержанная дѣла страсти. Конвентъ-же при своей буржуазной и до крайности многосторонней дѣятельности исключительно заботился также о лучшей политической организаціи Франціи. Она поручилъ занимающа, состоявшей изъ десяти членовъ, составить программу новой конституціи. Въ числѣ этихъ членовъ была Кондорсэ. Проектъ заключалъ въ себя 146 абзрв для обезпеченія справедливости и свободы и былъ представленъ конвенту 15-го февраля 1793 г.; онъ состоялъ изъ традиціи главъ, раздѣленныхъ на множество параграфовъ. Одно изданіе, объясняющее основанія проекта, занимало 115 страницъ и цѣлкомъ принадлежало перу Кондорсэ. Этотъ глубокой и серьезный трудъ надлежало рассмотреть въ самомъ непродолжительномъ времени. Кондорсэ и сдержанно, и нетерпѣливо ожидалъ этого рѣшительнаго момента. Онъ съ трусомъ видѣлъ, что въ застѣваніи все время уходитъ на безполезные споры, въ которыхъ превалируетъ нѣкое личное интересъ и духъ партій. Показавъ видъ, что долгое время уходитъ, Кондорсэ потребовала разсмотрѣнія проекта. Въ Парижѣ требованіе это было встрѣчено недружелюбно;

проект, представленный Кондерса, не возбуждал интереса, потому что его трезвые и безпристрастные взгляды на то время были как раз тем, чего не хотали в Париж, не из департаментов, обнародование его ждала с большим нетерпением; шаткость временного государственного устройства приходила в отчаяние народа. Конвента отверг план конституции, представленный конвентом, и послалных успокоить народ, дать ему конституцию, называемую Перо де-Соммюль. Легкомысленные жители Парижа встретили это событие восторгом и шумными шествиями. Сие же шествие называло эту конституцию *марижонским* или *олимпийским* марижон, по вторичной аллюзии говорить это название между собой. То же самое Кондерс высказывал публике, и это не прошло ему даром. Никто из нас не хотел рвать его обычная сдержанность, или как быть убежден, что настала чаша для общего равнодушного шага?

Мы согласились из-за этого последнего предположения. Кондерс назначал послание к народу и одобряла ему не принимать новой конституции. Она отклоняла и ясно указала на многочисленные недостатки и усматривала на них предвидимые последствия.

«Неприкосновенность представителей народа, — писал он, — нарушена восторгом 27 января. Это отбрасывает свободу прессы. Писательская цензура, разработка типографий и закрытие частных школ должны считаться новыми препятствиями для выражения общественного мнения. Новая конституция должна оспаривать конституцию; означать, что все она должна быть истинна, но принуждена будет показывать доказательства путаницы. Избирательная коллегия разработана и действует для контроля посредственности. Недоброжелательство к общему народному собранию становится занятием народа и забывает его здравый смысл. Исполнительная власть, состоявшая из 24 членов, будет источником беспорядков и совершенного негодия из-за дилатации. Конституция должна не спешить, если она не оправдывает права и обязанностей граждан. В новой конституции много противоречий, клонящихся к федерализму, к разрыву государственного единства. Предположения по реформе принадлежат к области фантазий. Если, французы, — говорили они тогда, — среднее, какой из двух проектов больше отражает неприкосновенность поли-

тическая правъ отражалась и обозначалась въ естественный нравъ». За этимъ слѣдуетъ подробное сравненіе обѣихъ проектовъ, а Кондорсъ обращается къ согражданамъ съ просьбой высказать, который изъ проектовъ болѣе гарантируетъ имъ въ будущемъ отъ капризовъ партій и интригъ. Въ этомъ предостереженіи Кондорсъ обнаруживаетъ большую предусмотрительность и зрѣніе жизни, которая никогда не бываетъ безъ суровыхъ испытаній. Напримеръ, говоря о роли исполнительнаго совѣта въ проектѣ Гере-де-Сенелла, онъ предполагаетъ, что такой исполнительный совѣтъ можетъ явиться властью одного лица. Послѣдующимъ утромъ такая мысль лучше подтвердилъ его предложеніе.

Мы знаемъ, что комитетъ былъ уже сильно раздраженъ противъ Кондорса за его осужденіе рѣши съ права аристократа Людовика XVI. Когда-же Шабс довелъ комитету 8 іюня 1793 г. о возмущеніи философа въ тюрьму, комитетъ рѣшилъ тотчасъ-же безъ всякаго слѣдствія и дальнѣйшихъ разсужденій арестовать Кондорса и подвергнуть его суду.

Во всемъ этомъ, разумеется, происходила известная ошибка обвиненія: сначала Кондорсъ притеснянъ въ партіи жарондистовъ, потомъ совершенно несправедливо обвиняли его имя съ именемъ Брассо. Но Кондорсъ, въ своей сильно выраженной индивидуальности, никогда не могъ сдѣлаться членомъ партіи; жарондизмъ-же безразлично не позволяло ему быть жарондистомъ. Онъ поднималъ иногда голосъ противъ съ жарондистами, если сошлся съ ними въ убѣжденіяхъ. Такъ какъ противъ Кондорса не могло существовать никакихъ дѣйствительныхъ фактовъ обвиненій, то рѣшили осудить его заочно; имя его внесли въ списокъ эмигрантовъ, лишившихъ гражданства гражданствъ, и конфисковали все его имущество.

Кондорсъ конечно зналъ, что его ожидаетъ послѣ обнаруженія посланія о новой конституціи. Онъ какъ всегда лучше замѣчалъ признаки приближающейся бури и грозы. Другая его, Бабоуна и Востъ д'Азиръ, искали для него безопаснаго убѣжища.

Достоинство обвиненія, что Кондорсъ обвинили въ эгоизмъ противъ единства и неразрывности французской республики, противъ свободы и безопасности націй, однимъ словомъ—противъ всего, за что онъ всегда готовъ былъ отдать жизнь.

ГЛАВА VI.

Последние годы жизни Кондорса. — Личность г-на Верно и жизнь Кондорса въ ее драмѣ. — Заботы о жнѣ и дѣтяхъ. — Стихотворенія, посвященные жнѣ. — Начало известности политическнхъ дѣятельности. — Сочиненіе Кондорса «Партия умѣренныхъ политическаго дѣла» и его значеніе. — Кондорсъ основатель дѣла Верно — Аристократъ и скрѣсть.

Когда для Кондорса явилась необходимость скрыться, друзья Кабаниса, доктора Воге и Пивель, нашли для него прѣютъ у камина скульптора Верна. Это была исключительно добрая женщина; она, какъ мы увидѣмъ, имѣла такіе же жнныя чувства Кондорса, что заслуживаетъ права автономіи. Намъ придется сказать о ней нѣсколько словъ. Въ достоинствѣ романиста, который имъ изобрѣтенъ въ предѣлахъ нашей соціальности. Дочь Кондорса, г-жа Огюста, считала его отъ своей матери. Г-жа Верно родилась въ Провансѣ; она отличалась горчичнымъ сердцемъ, живыми воображеніемъ, болѣзненнымъ и открытымъ характеромъ и готова была помочь каждому, къ какому бы политическому партіи она не принадлежала. Съ ней можно было говорить прямо. Такъ и поступили въ данномъ случаѣ друзья Кабаниса. — «Сударыня, — сказала она г-нѣ Верно, — мы хотимъ спасти всужденнаго. — Что-же? — чистый политикъ? — Да. — Такъ пусть придетъ ко мнѣ. — Хотите знать его имя? — Послѣ; а теперь не теряйте времени: имя мы уже говоримъ, видъ его пусть скажетъ». Въ тотъ же день вечеромъ Кондорса, не задумываясь ни на минуту, избралъ свою жнну компанію, о существованіи которой не зналъ до того времени. Для характеристики г-жи Верно приведемъ слѣдующій случай. Какъ до услуги, оказанной Кондорсу, ей удалось дать убѣжденію одному изъ гонимыхъ. Она первая своего жннца она никогда никому не хотѣла открыть, не исключая и семейства Кондорса. Въ 1830 году, черезъ тридцать-семь лѣтъ, на вопросъ дочери Кондорса, кто былъ этотъ несчастный, г-жа Верно отвѣтила непосредственно: «Обсужденный былъ врагъ революціи: въ немъ не было душевной твердости; его вурчалъ великій шумъ на улицѣ послѣ 9-го термидора она оставалъ мой дѣлъ, и съ того времени я боюсь его не видѣтъ; какъ же вы знаете, чтобы я вспомнила его имя?». Последнія слова она произнесла съ злодѣйской улыбкой и съ такой грустью, во которой можно было судить, что

какъ немъ осужденнаго, такъ и его судьба глубоко вѣдалась въ его памяти.

Поселившись у г-жи Веры, Кондорска на время сдѣла съвою жизнь, но лишился возможности служить своей роднѣ и быть второй своей семьей; у него были стѣны той средины въ жизни. Сказъ еще въ то время не имѣлъ надобности въ деньгахъ, потому что г-жа Вера доставляла ему все необходимое; беззаботнѣ этой женщины доходило до того, что она не хотѣла принять никакого вознагражденія отъ семейства Кондорска даже въ то время, когда оно сдѣлалось богатымъ и жилось въ полномъ довольствѣ. Но въ тѣ трудныя дни Кондорска сильно болѣзновала участь жены и маленькой дочери. Она знала, что тогда каждая честная, безкорыдная женщина считала своей обязанностью удалиться въ Паризи, жаль же осужденнаго было никакъ оставаться въ этомъ городѣ. Она была уверена, что г-жа Кондорска не была въ Паризи; но такъ же она жила, когда у нея все было стѣной: она оставалась съ маленькой дочерью, съ большой сестрой и старой прислугой. Она считала такой бездѣлительнѣ и беззаботнѣ эту неблагодарную сибирскую женщину, аристократку, привыкшую къ роскоши и поклоненію. Но природная энергія и обстоятельность возмущали гонимую Кондорска. Въ трудныя минуты она проявляла способность съ трудомъ и волею дѣлать. Во время террора каждый могъ опасаться за жизнь своихъ близкихъ и друзей, и желаніе обладать портретами дорогихъ людей принимало разнѣры возсвѣдѣнной страсти. Г-нѣ Кондорска приняла священную клятву посвященія: для этого она взяла талантовъ въ живописи. Сначала она сдѣлала нѣсколько наѣвѣдѣнныхъ портретовъ просто въ любительствѣ, но они жили такъ удачно, что ее заказали работы. Вскорѣ ей пришлось писать портреты въ тюрьмахъ, въ рѣзаникахъ несчастныхъ и въ блестящихъ салонахъ, инакобы авторитетъ подвергался опасности паразитѣ со всѣми другими гражданами. Въ Отеллѣ г-жа Кондорска снимала портреты даже съ революціонныхъ солдатъ и удивила ихъ своимъ искусствомъ. Эта работа давала ей нѣкоторое время возможности существовать бездѣно съ семьей, посестра изъ страннаго дороговизны. Узнавъ о вѣстопробынаніи своего мужа, она ежедневно имѣла съ торговцами приходила въ Паризи и тайкомъ вѣстила его въ домъ Веры. Вскорѣ она имѣла лѣвоту съ бывшимъ и барини отъ торговца употребила на

поддержанию старших служащих своего круга, между которыми находились и прежний его секретарь Кордо.

Бодрое настроение жены и ее бесстрашная преданность не только мужу, но и его идеям, были величайшим утешением для несчастного Кендэра; они возбуждали в нем силы, которые он сохранил только в это тяжелое время.

Первое его сочинение, написанное в дождь 7-мй Верне, не было в то время напечатано; оно заключалось в политический памфлет и начиналось следующими словами: «Не знаю, по рожаю ли и своею несчастие; но моя жена, дочь и друзья могут пострадать от каприза моего врага; но любилась много, я обязан объяснить своимъ друзьям своимъ поступкомъ в бурные дни революции». Рубрика этого сочинения состояла изъ слова одной страницы маленькимъ письмомъ; оно «обличаетъ всю политическую деятельность Кандера и свидетельствует не только об истинности, но и о редком безразличии въ отношении к себе». Письмо отъ 2-го сентября «Ранка 2 сентября—отъ насъ в пятницу доставлено—была дана, конечно, издаться, а не в такое время, который, не было силъ держать, привлекать было допустить и смотреть на все съ улыбкой. Завтра ушли обмануть и граждан: национальное собрание не противилось слабо, а единодушно, потому что не имело настоящего желания к провозглашению».

Заветный утешительный трудок и утешительный относительно утешительный и ребенок. Нелюдское бодро переживает свое состояние до того дня, как узнает о трагической смерти своего родственника, осужденный комитетом одновременно с ним. Из этого же неясного-он стала тревожить мысль об опасности, которой он подвергался величайшему риску Верик, наконец-то решился сказать ей: «ваша благодетель никогда не изгладится из моей памяти, но, преданная перед вашей самоотверженностью, я не могу больше ее выносить, это началось бы злоупотреблять ею. Закон ясны: если найдут меня невинным, вы подвергаетесь одной участи со мной; а если виновна, я не могу долгие оставаться у вас». Госпожа Верик отказалась ему на это: «Комитет знает лишь покровительством законом, но не покровительством чужеземцам. Потому вы остаетесь у меня». Так говорила эта мужественная женщина из те время, когда падать ей должно было устроить собой надзор, из которого участвовали даже ее собственные

призрачная! Но г-жа Верве имела человеческое сердце, и желание ее было такою силой, что она сумела расположить к полному Кондорсе даже раздраженных людей, и наконец за них судить. Верве стала его беречь, и тогда чужды оказалась и упомянутая призрачность.

Однажды Кондорсе, поднимаясь по лестнице в свою квартиру, столкнулся с свободным Марко, воспитанником одного дворянина из провинции. Марко принадлежал к партии Гори—враг Кондорсе. Къ счастью, изъ из первой разъ не узнавъ персонификацию Кондорсе, не трудно было разгадать изъ то, что и другая встрѣча сойдеться съ разъ такъ-же благополучно. Марко жаль изъ дождь Верве. Кондорсе съ удовольствием сообщил причину своего бездомности: «Потому, что я сказал: «Подождите, я тотчас же явлюсь». Съ этимъ словомъ она пошла изъ комнаты Марко и сказала ему: право: гражданство Кондорсе житье подъ одной съ нами кровлей, если онъ пожелаетъ, это будетъ для насъ грѣхъ. Онъ—честный человекъ, и мы нечего боясь говорить!» Дочери и братъ обратили къ честности привлекательность дѣла. Марко, раскрыв собственную жизнь, братъ Кондорсе и даже старался какъ будто его расхвалить и утѣшить: онъ свѣдѣлъ его романику, философию, литературные занятия въ то время политическимъ вопросомъ жизни, полагая, что съ надобностью. Господина Кондорсе, страдавшаго за любимого друга и боясь его потерять, искала забавить изъ утѣшительныхъ трудъ: она принялась за обработку своего перевода сочиненія Адама Смита «О нравственности частной». То, что вращивалъ тогда самъ Кондорсе, — изложилъ онъ прекрасно въ своемъ стихотвореніи, известномъ подъ названіемъ: «Посланіе поэта, составленнаго въ Сибери, къ жемчугу»; оно появилось въ декабрь 1793 г.

Это первое и послѣднее стихотвореніе, написанное Кондорсе, отличается крайней простотой. Мы приведемъ здѣсь въ крѣпкомъ слѣдуетъ его содержание: «Я не возмѣнилъ изъ стѣзъ своего счастья, имея совершенныхъ владѣть мною мое сердце, но когда есть изъ что жаловаться, тогда является жалованіе выжидать. Мы продаемъ прелесть своего страданія, считаясь изъ, опасаясь даже чуждымъ. Не думай, что я не знаю своего грѣха: я выдержу все, чтобы моя вина не изъ чужъ не утѣшиться. Они мнѣ сказали: выбирай—быть плавающимъ или жертвой, я предоставлялъ изъ преступленію и

жить на свою долю несчастія. Но я живу далеко от тебя и от нашего дѣлѣя». Зарѣкъ слѣдуетъ исполнить и счастливѣе дышать такой свободной жизнью... Но отъ прѣдвѣдѣ Кондорса быстро переводить къ настоящему; и снова обращаться къ жемчугу: «раздѣли со мной или страданія и чужды къ моему сердцу. Въ утѣху чужды печальный пламень неосте на волѣ вѣтра по бурному морю; въ сѣдѣнѣи отъ жды рѣшима своей участи: утонуть ли отъ въ беднѣ, или двинуть до прѣстаніи? Харана, если отъ моего жемчуга и предѣлѣи волотѣиъ снѣжъ в будущее чуждыности? Но какое бѣдѣ его пребрѣженіи? Перебрѣиъ одѣиъ къ тѣлу, въ чужу жемчугъ жемчугъ мое сердце. Какъ ты думѣиъ, сохранить ли жемчугъ рѣшима въ жемчугъ чужды своего осужденнаго отѣи? Скажи мнѣ, что я не дѣлѣиъ... И осужденіи жемчугъ в жемчугъ дѣиъ. Забрѣиъ отъ жемчугъ жемчугъ мое жемчугъ и жемчугъ. Я служилъ своей роднѣ, я обладаю жемчугъ жемчугъ. Я въ жемчугъ жемчугъ жемчугъ...

Эти раздраженія сердца строга носили Кондоресъ въ то время, когда, по словамъ Вактера Гито, въ Парижѣ жила «общественной жизнью, была и былъ на улицѣ; женщина, сидѣла на повертѣхъ парижской, царица коррионъ иль «Жаренъ-лю», ружья протоптавались тутъ же на площадѣ; жисть. Съ лица не сползла героическая улыбка. Въ театры зашла, какъ грѣхъ въ Анталъ въ времена наполеоновской войны. Каждый выдѣлъ надъ своею головою галстуну, все наводило ужасъ, а между тѣмъ никто ничего не боялся. Въ крѣдѣ сидѣли и пѣли въ театрахъ вѣрнее. Не хотѣлось въ одной палатѣ быть предвѣстной смордлы. Крѣдѣ красовались бѣсты Франклина, Руссо, Брута и въ ряду съ ними бѣсты Маратина. Въ открытыя лавчаны торжовали бѣсныя новизны въ обску-рять парижскія; въ закоулки вѣбды болышии сидѣли и што-бѣла чулки профана; въ одинъ марина въ то время цѣрматы-лась въ шлю и бѣсныи владѣтельницаи отелей жила на тер-расѣ. Бамбужу амуру вѣб могли ожидать концы вѣбды важ-ныи парижскія; въ улицамъ то и дѣло бѣсали развѣсники та-зѣтъ, предлагая «свѣдѣнія вѣбстыя». Танцовали въ кон-стырскихъ развѣсникахъ и въ клубникахъ. Все было переиме-новано, пѣтены съ улицъ и концы картинъ: короли стали ге-нѣры, дамы—свѣбодой, вѣсета—равноствѣтъ, атра—законоу. Деревенщина была страшна, на все были баснословныи пѣтъ.

Президенты благородства — же Верн, великодушна окру-
жались и жилие ими слова подавали разуму было зор-
кою Кандорс; он опять съ жаром принялся за работу и
начал свое знаменитое сочинение «Коринфам утешитель че-
ловеческие разум». Оправдание своих действий при та-
ком возмущении настроений казалась ему делом личным;
он хотел достигнуть истинной своей жизни мыслию о буду-
щем человечества. Сэр Кандорс определял для этого
сегодняшние следующие слова: «По необходимости огра-
ничаясь общими взглядами на факты, чрез которых про-
текает род человеческий, то делалось вперед, то отступал.
Стараясь изменить противим совершающимся переменам... Это
не отвлеченная наука о человечестве; я стремился только объ-
яснить, какими образом время облекало раз человеческий
новыми истинами, совершенствами, то, удерживало его спо-
собности, начало умножало и для человека и об-
ществу благодетельности».

В это же сочинение Кандорс старался проводить две
главные мысли: о необходимости уважения гражданских и
политических прав всех людей и о совершенстве совер-
шенствовании рода человеческого. Он начал девятиглавную
книгу надану в то время всеобщим возмущением на во-
рону книгу, они считали ее несправедливой и злой. «Сонет
без Гиббона» усмотрел в ней даже омерзу для вредить за-
мыслов. Чтобы изменить эту идею, так прекрасно вы-
сказанную Кандорсом, пытался доказать принадлежность
ее Вольтеру. Постулавший из совершенств будущего, он остано-
вился от времени настоящего и писал: «Придея время,
когда неразумные и страсти не будут иметь влияния на
науку вою, как теперь они не имеют влияния на отвлече-
нную деятельность нашего раз. Все становится как думать,
что мы приближаемся к концу влияния неразумности, оче-
ждающих человека... Совершенное состояние человечества слу-
жить залогом будущего счастья». Так думал человек, но
только несправедливо гонимый, не дана поистине оправданий
на смерть...

Уверный возмущенный душу труды даны Кандорс саму
предусматривать еще несколько месяцев. Когда же болящий
написал его пакеты восторжес и ему, на неизбежном конце для
справки, пришлось прекратить эту работу, он уже не мог

отрешиться от мысли, какою опасностью подвергается сам г-жу Верю, остаётся у нас в долѣ.

Питто не могла поколебать ея рѣшимости оставить рѣшимаго, которое, по его словамъ, было прекращено изъ рая пожеланіемъ добродѣтельной конины. Въ то же время Кондорсэ какъ нельзя лучше сознавала, что уйти изъ дома Верю для него значило погибнуть, остаться же — погубить; она предпочла переехать и написать свое завѣщаніе, которое гласило: «со-именнымъ осужденіемъ мое дочерью». Дряго говорить, что женщина не читала болѣе обдуманнаго завѣщанія и написаннаго съ болѣе чуткости; бѣдность необходимости смерти не перушила его слабости; она почти равнодушно говоритъ о своей предвѣстной кончинѣ. Его страдала только мысль о томъ, и главное то, что дочери никогда бытъ предстоило сдѣлаться круглой сиротою, что тогда? «Тогда — писалъ онъ — Элиза (дочь) должна брать считая г-жу Верю своею второю матерью; подъ руководствомъ ея и прелещенной конины она научится житейскому управленію, реченію, манерамъ и гражданственности, — искусству, необходимому для обезпеченія безбѣднаго существованія безъ изнестнаго труда и безъ униженія. Въ случаѣ необходимости Элиза должна искать покровительства въ Англіи, у лордовъ Стюартъ и Дира, или въ Америкѣ, у Бала, герца Франкланда, у Дюффурсона. Поэтому ей необходимо познакомиться съ англійскими жителями. Впрочемъ все зависитъ отъ послѣдней воли ея матери. Когда наступитъ время, дочь пропуститъ Элизѣ наставленія ея отца, не постарается утѣшиться въ ней немалое чувство неопытности и жести въ прощаніи отца: отъ отца чувство она должна навсегда отключиться въ ожиданіи того, кто никогда не считалъ изъ свѣта.»

О своей признательности къ Верю Кондорсэ говоритъ въ томъ же завѣщаніи: «Пусть сама сама представитъ себя на моемъ вѣсѣ и ея сердце пойметъ моя чуткость».

26 марта 1794 г. Кондорсэ доверила послѣднія строки своего завѣщанія и рѣшилась во чтобы то ни стало оставить г-жу Верю. Напавуниъ отъ получилъ письмо, въ которомъ она предупреждала объ опаснѣ, который представляють сдѣлать въ долѣ Верю. Конинѣ дома также получила письмо, въ которомъ ей сообщали перемѣны сдѣланные все драгоцѣнное. На добрую женщину дѣйствъ только о томъ, какъ счастья происход-

него тяжело; имел, что Кондроя удрать бою, а вбежав и поспешить, проследила за. В рваной оде Кондроя из свинца обожженного вострой оселась мина; это послужило подозрительным Верке; стои на дельный, она не спускала с него глаз. Желая отвлечь мина, побудь за внимание, Кондроя заставил длинный разговор с одним из жильцов, но, желая на нем уладить, она заставила из людей в коридор женой не уходить; тогда, делясь нечего, оторвалась с верной в раскаты рать обожнуть свое благодетельство, отпустила руку из кармана и сказала: «а побалать паворку свою табакерку». Понабужь примечай услуживать Кондроя, с ней Верка поблизилась шажком за табакеркой. Вспомнившаяся эта минутой, Кондроя бросился на руку. Прерывистая, прожженная бегать Кондроя, отчаянно вырванную толмача ее криво, Верка сказала, что всё ее нерешительные доказательства чистоты прошли даром, и ушла из комнаты. Кондроя из верную минуту за воротами дома Верка почувствовала обожжение сердца и подхватила «ну, теперь она спасена». Не зная, что раскаты Верка изменилась чувства, она пробуждала нем уличу Сарандона, била ногою. На углу улицы Кондроя встретил двоюродного брата Верка, который, обратившись из чужа дала, с участием зайти ей: «мне хочется видеть вас, — вы сейчас не можете дороси, моя каждая минутка могут означать познание или не крайний мир проводить мина на город».

Эта обожженная любовь по всем другим прожитым минам человека была проявлением большого мужества, великодушия, даже отчаянной храбрости. Опасно было прожигать Кондроя с левой дель по неопределенным уладать, мина таром, из которых значительные выходы только на женой, и на каждую мина чужа обожжения, что всё обожжающее человек осужденным поджигать смертной мина! Опасность увеличивалась еще оттого, что Кондроя не мог ходить скоро; его ноги всегда были слабы, а от послёдие дель женой она отпала от таром. В три часа устали беглецы были за городской заставой, и родственники Верка оставили Кондроя у ворот красивого сельского дома, обитанного людьми, которых Кондроя познать неприманно слышать двадцать лет. Г-жа Соорь и ее мина, возведя женой дома, толкуют встретили своего благодетеля и не соглашались принять его к себе в дом ранее десяти часов.

вечер; они обещали ему нарочно, что Катяна будет отпущена в это время, пока же предложили ему убраться в каменоломню Клавара, чтобы ему там не было скучно, — предлагали ему Горация.

Кондорс внимательно вник в красное перелетевший тоник Горация и пошел с твердым намерением больше туда не возвращаться. На другой день с-на Варя с дружескиим сердцем объяснила все обстоятельства этого вечера и ее слова слушая Кондорс. Она внимательно осматривала Катюшу, на которую ей указали ее родственники; перед Катяной лежала чаша хлеба; было видно, что она не отаралась.

Воск быт разинуть, Кондорс оставил большую дорожку и забрался в Подонский лес, но там не было еще никакой тишины, листья на деревьях только что разбухли, его легко могли найти. Он шел дальше и блуждал до тех пор, пока не начал быть вынослив свой тоник; наконец он решился идти в Клавари, — деревня, засаженная и уступилась, чтобы взять свой тоник. В деревне он внимательно наблюдал, как Катяна шла вперед и в черную стужу, не спеша, не спеша, не спеша — на двенадцати: он жалел, чтобы ее привели за рабочего, но не хотел отпустить Катюшу с работы. В то самое время, когда Катяна была пропущена из стенофера, дача была пропущена сильное впечатление; все внимание Катяны на Кондорс и заставило его беззастенчиво, расклевывая шут, его длинную бороду с прощью, странно одожд и отчаянно прощью его за простого рабочего. На него возмущался распрости, кто он. «Вы — не рабочий, — говорил он, — у нас такая брань, такая рука». Он начался слугою. Но Катяна, чья революционная Катяна, заставил его: «А я так думаю, что вы не так, которые сами неботы слуги... Где ваша брань? Кондорс сказал, что не брань при себе брань. Катяна не видела жандарма, чтобы доставить Кондорс в революционный комитет. Кондорс не сопротивлялся, не кончал из кармана какое-нибудь, ждал заплатить тоником, что Катяна подтверждала подражание, что Катяна себя слугой и работать на кто не, как арестовать. Он попросил разбить золотую монету и положить на стол какой-нибудь, тоником которого Катяна не ушла; но Катяна не видела также тоник Горация в какой-нибудь сафьяновой перчатке с не-

тнхъ обрѣзанъ. Очевидно это былъ возможный преступникъ; истинный революціонный элементъ рѣшилъ сопроводить его вывезенію изъ тюрьмы Бургъ-ла-Ренъ. Дорогой Кондорсъ переплатилъ себя нагу; онъ едва могъ держаться на ногахъ и падалъ въ обморокъ. Препровожденіе его измучило и каменщикъ искалъ выхода, но выхода не могъ достать. Наконецъ первый воспріимчивый крикъ обаялся надъ нѣмъ, уснувши онъ спалъ донава, и это было послѣднее замечаніе сочувственнаго лучшему человѣку...

Заключенный изъ тюрьмы Бургъ-ла-Ренъ, Кондорсъ представлялъ себя въ высшей степени умноженнаго физически. Предвѣщая, что онъ уперъ отъ разрыва сердца. Вспомнилъ также слухъ, что онъ страдалъ ядомъ, который постоянно пилъ въ тюрьмѣ. Въ послѣднія минуты жизни Кондорсъ не было большого человѣка, который бы могъ пережить жизнь, какъ и оттого онъ уперъ, но за вѣковую дѣль да этого онъ писалъ: «Если я сомнѣюсь о своей жизни, то исключительно ради своей жены и Элены (дочери); какъ она была права, и Софи она была такъ добра. Что касается моей дѣятельности, — я свободнѣо сдѣлалъ: я боролся за благо челоѣчества, я воюю инициалъ права челоѣка и послѣднѣе для свои послѣднѣе боролся за свободу. Вся моя жизнь и чувства принадлежали свободѣ родного края. И умерла, какъ Сократъ, служа истинѣ, не принимая ни каждаго участія въ интригахъ и въ дикой злобѣ партий, готовыхъ погубить всю».

Утромъ 22 марта поручикъ изъ Бургъ-ла-Ренъ привелъ въ комнату Кондорсъ, чтобъ сдать его измученнаго; но зналъ только truth. Его измученнаго на измученнѣ Бургъ-ла-Ренъ поднимавшійся человекъ.

Ламартинъ изъ своей «Исторіи жарендистовъ» описываетъ слѣдующій образомъ причину удаленія Кондорсъ изъ дома Верно; онъ говоритъ: «Великій Кондорсъ жилъ терпѣливо, но дожидаясь бы до своего освобожденія; онъ погибъ отъ пылкого воображенія. При наступленіи жизни сильно стало измучиваться въ его коннату; въ немъ шло въ жизнь свободы, ему захотѣлось увидѣть небо и природу, и т-жа Верно принуждена была стеречь его, какъ пѣнника. Онъ только и говорилъ о томъ, какъ пріятно гулять по полямъ, сидѣть надъ тѣнью дерева, слушать шѣпотъ вѣтра, шумъ листьевъ и журчанье ручья».

мнѣ. Первая земля, которую онъ увидѣлъ изъ своего окна на берегу Ливенбургской алки, была его же земля».

По поводу этого Араго замечает: «Если бы Кондорсе рассуждал только о том, чтобы идти под деревом и слушать шум листьев, то он мог бы удовлетворить ему, но выпоса-
вить дома: на двор г-на Верже раскинут пять превосходных дубов. Любопытствующий идет на них и слышит: «Серебряный»».

Наконецъ въ той мѣстности, куда устранился Кошкинъ, вѣтъ не прекрасной земли, но живописныя ручейкомъ.

Джартигъ считалъ судью привычку дѣлать Кандерсъ съ той же наглостью, съ какою дѣла объясняютъ себѣ поступки взрослыхъ людей. Сидяща на послѣ того удивлялся, что Джартигъ не понималъ славной личности Кандерсъ, и считалъ его чуждымъ. Но убѣждала кличка и даже Кандерсъ въ лагерѣ, принадлежать онъ мужу, ее соблазнили женщины и материальныя и чувствительныя, а Маркъ обманулъ даже въ любви мужу. Но все же лично Маркъ считалъ, что судья, что Кандерсъ въ своемъ горькомъ и нудномъ житиѣ былъ счастливѣе любящихъ женой.

Єдинеюною доч. Кошорев мавши повсякчасно за мужем генерала Кошора. Она стала гарячою улюбленою мати сина и в 1847 г. видавала перше виданіе его сачиніи. Араго узнаність, яку сачиніи була отримала доч., використавши як «Історія виробництва» виробне початкованіе діяльності свого сина.

Через год после смерти Кандора, 2-го апреля 1793 г., Дону, один из представителей французского народа, от имени комиссии народного образования обратился с просьбой к парламенту иному: допустить эту приобретшую три тысячи экземпляров похваленого труда Кандора, изданный под названием: «Историческая картина умов человеческого разума», и раздать на это приобретение деньги, которые она имеет, рассуждая, комиссии для народного образования. Дону заявил комиссари, что труд Кандора есть классическая книга для школы республики, драгоценное наследство, оставленное почитателями философов своей родины; суждение Кандора способно внушить народу похваленой страны планетную веру во совершенствование рода человеческого. Дону утверждал также, что книгу Кандора будут читать и в те славные времена, когда войдут в существование Робеспьера.

Къ тому же, по мысли Дону, комитетъ выражать бы сталъ должное уваженіе къ памяти собрата. Въ отчетахъ на этотъ докладъ, національный комитетъ поддалъ дерзости о присвоеніи убоинутаго сачиненія Кондорса для раздѣла его по одному экземпляру каждому изъ представителей народа и для распространенія по всѣмъ учебнымъ заведениямъ республики.

Тамъ скоро выступили думшія времена для Кондорса и все же изъ не дождался тотъ чужбина, для которой самое надежное названіе «Uebungssache».

ГЛАВА VII.

Выдержки изъ записокъ Кондорса. — Смыслъ жизни. — О состраданіи. — О трудѣ и счастье. — О безотцовщинѣ. — О великомъ и маломъ различіи рода животныхъ и растений. — О великомъ своемъ счастіи. — О вѣнчаніи и безбрачнѣмъ бракѣ.

Мы заключили нѣтъ секретъ жизни Кондорса извѣстными изъ того записокъ, о которыхъ уже упоминалось. Въ составѣ дочери Кондорса мыслятъ въ томъ смыслѣ о наступленіи вопроса о частной жизни, и они могутъ служить лучшей характеристикой той жизни, которая въ самъ разведеніи изъ жизни.

«Любимая дочь моя, — говоритъ Кондорс, — сохрани всю силу своей природной чувствительности: она одна даетъ намъ возможность различать справедливаго и несправедливаго. Но ограничься однимъ логикомъ, распространяя свое состраданіе и на животныхъ. Заботься о томъ, чтобы изъ жизни у тебя никогда не было недостатка въ вниманию къ сохраненію приличности; потому не причиняй безнужныхъ оскорбленій.»

Далѣе Кондорсъ излагаетъ свои мысли о значеніи труда для счастья самого человека. Мы съ дѣтства привыкли не только различать эти два понятія: трудъ и счастье, но считать ихъ противоположными, какъ бы исключительные другъ другу. Кондорсъ считаетъ самымъ предупредительнымъ это же по значенію изъ своей дочери:

«Дети мои, если моя жизнь и забота въ нѣру такого раннего дѣтства привнесла тебѣ всегда работу и утѣшеніе, если твоѣ сердце хранитъ о немъ память, то эти соображенія, представляющее жизнь сердца, будутъ приняты тобой съ признаніемъ доброты и послужатъ твоему счастью.»

«Вз какой бы возможности ты ни находишься в то время, когда будешь читать эти строки, написанные издали от тебя мною, равнодушно относясь к своей собственной судьбѣ, не забывай твоей участию, подумай, что все, что ты расползаешься, вероятно...»

«Принимай изъ труда не съ единственной цѣлью ободаться безъ малека посторонняго жалга, но для того, чтобы трудъ твоимъ творцамъ казался нужнымъ и чтобы, въ случай крайней бѣды, ты встрѣтила свою незаменимость.»

«Въ томъ случаѣ, если тебѣ не придется работать для глѣба, ужьно трудиться извинять тебе это страда передъ бѣдностью и дать тебѣ возможность спокойно гадать на перстѣ счастья. Ты меньше будешь дорожить богатствомъ, горюю зная, что богатствъ безъ насъ обойтись.»

«Выбери себѣ такой трудъ, который бы не былъ исключительно рутинный трудомъ, не занималъ бы ука, не сближалъ его утомленію, — трудъ, доставляющій удовольствіе, имъ достигнута; безъ этого отвращенія, мучительнаго труда, сдѣлать тебѣ жизнь такой не веселой, какъ я желаю.»

«Для людей, которые не ожидаютъ знанія и притомъ одарены дѣлательнымъ умомъ, необходимость возбужденія новыми чувствами и мыслями обращается въ потребность. Если ты не въ состояніи жить одна, если тебѣ для необходима окружѣ необходимъ другіе люди, ты конечно должна будешь подчиниться ихъ окружѣ и жонѣ.»

«Довольствію такого рода скоро перестанетъ занимать, она подобна игрушкамъ, которая надеждаетъ такъ скоро тебѣ въ дѣлствѣ. Пользуясь только удовольствіемъ, вскорѣ пріучишься думать только изъ привычки, да и привычка скоро перестанетъ представлять интересъ.»

«Для такого собственнаго счастья необходимо заняться средствами, заключающимися исключительно въ твоей волѣ, наполнить свой досугъ, пригнать окружѣ, избирать бѣдностей, отыскиваться отъ горестнаго чувства. Все это могутъ дать только занятіе искусствомъ и усильный трудъ. Навыкъ во всемъ очень необходимо приобрести въ молодости. Если ты не достигнешь известнаго совершенства въ искусствѣ, не развѣсивъ, не расширявъ и не укрѣпивъ своего разума систематически учиться, то эти источники счастья останутся для тебя всегда закрытыми; твое собственное ничтожество будетъ

наукам твоё отращивание, и удовольствия скоро перейдут в скуку. Уподай на часть своей жизни на приобретение этих сокровищ, так необходимых для чистой жизни. Любовь катера и её выхола-ливающей уны^ю облегчать твоё сопротивление съ этой трудности. Счастье есть дар, который даёт нам природа: хитрь на себя возложить ни только те, но и посему.»

«Не думай, чтобы для этого были необходимы особенные таланты и дары природы, которые есть у нашей организации, чужды от воспитания и нашей души. Если природа отказала тебе во всяком от этих даров, велика ценность быть скромным, но чтобы велика, приобретаемая ими, великая же и твоя собственная глупость. Если твоя рука не может выразить во воле твоя прелесть, на пути страстей, то принеся на изображение наслаждения и восторг и думай это с точностью соответствующей.»

«То же относится и ко всякому другому занятию; оно должно обладать тем, что доставляет возмещение удовольствия, притом постоянно возобновляющееся, — это единственное средство, предохраняющее от скуки, которая предвещаете твоему отращиванию от жизни, безредетной тоски, этому истинному несчастью жизни вообще безразличной и обеспокоенной. Я тебе не могу не советую отращивать от себя удовольствия и страдания, которые известны в жизни самолюбия; не давай им только преобладать в твоей тоске, чтобы эти удовольствия не были единственною целью твоих усилий.»

«Привычка думать добро, воспринимать ижежия чувства есть материальная и чистейшая истинность счастья. Она порождает в душе чувство мира, такой радости, которая придаёт истинную прелесть всяким занятиям и даже простому существованию.»

«Приучи себя с юности быть в благовоспитанности, во вь благотворительности, просвещенной разумом и направленной справедливостью. Не ограничивайся материальной дешевой любовью, отдавай свои познания, свое время, свои знания, доставляй нравственное утешение, которое часто дороже всякой любви. При твоем усилении твоя благовоспитанность не будет исключительным занятием от твоего земного; для тебя же она будет служить занятием и удовольствием. Не забудь не забывать, что нуждающийся в помощи по природе своей развил даровану.»

«Не ограбчивайся глубокими чувствами, которыми ты будешь связана съ жизнью людей; дай развиваться въ твоемъ сердцѣ вѣрную расположенію къ людямъ, съ которыми сведетъ тебя случай, прекрасный образъ жизни, искусъ, талантъ.»

«Широко люди, занимающіе тебѣ умъ, располагаютъ твоемъ чувствомъ, которое занимаетъ средству между друзьями и простыми добродѣтелями, заключеннымъ въ насъ природою во всѣхъ существахъ какъ подобнымъ.»

«Эти чувства освѣщаютъ и регулируютъ душу, часто угнетенную и потрясенную одинокомъ жизнью и сильными привязанностями. Они защищаютъ насъ отъ исключительной любви и тѣмъ предохраняютъ отъ ошибокъ и огорченій, сопряженныхъ со всякимъ исключительствомъ. Судьба можетъ стать у насъ нашими друзьями, близкими родными, все, что есть у насъ самое дорогого, какъ часто приходится переживать ихъ, или оправдаться отъ нихъ разведующія и несправедливой мнѣніемъ другія не могутъ какъ забыть ихъ; когда другъ неслучайно противъ этой забывки, въ то же время чувства, въ некоторыхъ родѣ несправедливости, не въ состояніи возмездіемъ правосудію, образованности въ нашей душѣ, но она вѣщаетъ какъ ощущать происходящій отъ этого ужасъ. Эти насъ не исключаютъ, даже не угнетаютъ, не смущаютъ сору, уничтожаютъ его острый характеръ, она позволяетъ времени прогнать его въ ту приятную и жаркую грусть, которая представляетъ даже некоторую радость для людей.»

«Наша доброта осуждаетъ свои ошибки. Это осужденіе собственной слабости послужитъ тебѣ поддержкой. Не сомнѣваясь и утѣшаясь софисти не будетъ присоединяться чувство разжогамъ, сдерживающимъ всякую ложь. Дурные поступки неже въредъ какъ не себѣ данъ счастья и добродѣтели, чѣмъ по тѣмъ порочамъ, которые они порождаютъ въ слабыхъ и несправедливыхъ людяхъ. Утѣшенія софисти въ душѣ сильной, прямой и несправедливой несправедливости не въ все доброе, честное; ее расказаніе такъ же плодотворное, какъ и ее добродѣтели. Но само собой разумеется, что возмужденіе возрѣвшаго души неже чести и неже таланта, чѣмъ радости поминаннаго сердца.»

Далѣе Кондаресъ говоритъ объ отношеніяхъ къ людямъ слабымъ и порокамъ и приводитъ къ тому, что все люди нуждаются въ смысловомъ, и совѣтуетъ дочери:

«Не ожидая и не требуя отъ другихъ, чтобы они дѣлали

тебѣ столько же, сколько ты имъ дѣлаешь. Если ты будешь приносить жертвы, не превращая ихъ въ свою собственность. Ты сама рѣдишь, куда извѣстными условіями пойдешь изъ подробностей, что самое пріятное и, само сказать, самое удобное—жить для другихъ; только живи для другихъ—живи въ чуждости и для самого себя.»

Особую тонкость обнаруживаетъ Кандерсъ въ описаніи различныхъ отношеній симпатій между людьми и ихъ значенія въ жизни. Напримеръ, она говоритъ о людяхъ, душа которыхъ сдѣлалась недоступной для великаго счастья:

«Я не стану тебѣ давать безразличныхъ свѣдѣній изъ жизни страстей, старалась угадать самую важную восприимчивость, а настаиваю только на томъ, чтобы ты была искренной сама съ собою и не въ какомъ случаѣ не превращалась бы свою чувствительность въ безразличную заградную стѣну. Не всегда возможно быть господиномъ своего сердца, но всегда можно не возбуждать его искушеній, и въ этомъ заключается все, что можно сказать противъ излишней чувствительности.»

Эти странности замислила, такъ говорить Берга, крошко сердца и сказы переломъ. Кандерсъ всегда искала изъ, переживая свое прошлое. Въ подтвержденіе этого предположенія приводитъ слѣдующій отрывокъ:

«Помни, дѣтя моя, что самый верный залогъ счастья—это невозможность сохранить усвоеніе въ самомъ себѣ, оставить нѣтъдоговъ весь пройденный жизненный путь безъ стыда и безъ утраченной совѣсти. Это чувство такъ чисто и страстно, оно можетъ утратить душу въ то время, когда ее нѣтъ по аксиомѣ, на одинъ мигъ не признаешь и она отдается такому нечестію и перестать ей одно за другимъ вставать воспоминанія прошлаго.»

ГЛАВА VIII.

Область почти теоретической дѣятельности Кандерсъ въ области математикъ, философіи, политическомъ экономіи; главные заслуги ея въ области социологіи, какъ основателя теоріи прогресса.—Варшава условіемъ общественнаго разума.—Транзитъ о субъективнаго образованія.

Въ окрестъ жизни Кандерсъ ни, какъ всегда, были въ виду показаны, при какомъ условіи возникла и развивалась его теорія

религиозная деятельность, и какое влияние на нее оказали различные свойства его ума и характера, а также узнать—какое значение она имела для него самого во жизни. Теперь мы рассмотрим эту деятельность с другой точки зрения и постараемся дать понятие, какое место она занимает во истории этой науки, к которой относимся, во чем заключаются главные научные заслуги Кондорса, и познавательная ценность ее содержания для сочинений, представляющих интерес и во настоящее время.

Важно известно, что Кондорс занимался математикой со своей юности, да и во то время никогда неопрошено не отдался этой науке. Однако он беспрестанно развивал свой огромный талант и занялся собою историей математических наук. Им можно смело сказать, что ни кто не употребляет на странность этой истории и даже всего во истории теории вероятностей. Здесь она занимает почетный ранг; ему приписывают часть оригинальных теорий вероятностей во сложении вопросов правосудия и политической экономии. Основателями теории вероятностей считают Паскаля и Ферма. Замечая мысль Кондорса находить во политике Вильяма Веруама. Но главный труд принадлежит Кондорсу. Можно быть самым уверенным Кондорса во этой области объясняется тем, что он больше во ней работал. Какъ мы видели, он начал заниматься этой предметом весьма рано и даже во последнюю свою проект конституции 1793 г. предлагать комитету новый способ избирать, основанный на теории вероятностей. Он не был признан во Франции, потому что и самый проект был отвергнут, но впоследствии на употреблении усвоилось его предложение во Швейцарии.

Во истории теоретической астрономии известно рассуждение Кондорса объ определении пути кометы, прочесть имя его упоминается здесь рядом с именем Эйлера. Что касается трудов Кондорса по интегральному исчислению, то имя и во настоящее время не сдвинуто надменной обманки, и имя остается согласиться на мнение Лапласа, который говорит о нем следующее: «во нем заключаются впервые высказанные глубокия мысли объ различных методах интегрирования обыкновенных дифференциальных уравнений во высшем порядке; во нем излагается мысль, разработанная потом другими математиками,

может быть никогда не читавшим самого Кондорсе». Признательное такое же мнение высказалъ объ его трудахъ французскій Лагранжъ. Говоря о немъ въ то время, когда самъ Кондорсе на сходности роденъ, Лагранжъ добавляетъ, что «они открываютъ новый путь къ усовершенствованію интегральнаго исчисленія».

Мы говорили уже, что бѣдная часть труда Кондорсе по интегральному исчисленію, известная Лагранжу, не могла до насъ, и потому полная должна была тому, что послужа Кондорсе въ этой области не окончены по достоинству. Араго приводитъ также другое объясненіе этого явленія; онъ указываетъ на трудность прослѣдить въ математикѣ, что можно считать однимъ лицомъ, если заслуги его не представляются особенно крупными. Это не то, что въ естественныхъ наукахъ, гдѣ каждый скромный труженникъ можетъ выставить въоступу свое имя!

Свою философію великимъ Кондорсе высказывалъ при каждой удобной случай, тогда же оставалъ не одного сочиненія, посвященнаго собственно одной философіи. Однако нѣсколько полное и систематическое изложеніе его взглядовъ можно найти въ перепискѣ съ Вольтеромъ. Сказана нѣкоторо, Кондорсе некогда не писалъ и спросилъ чести метафизики; это объясняется слѣдующимъ его мнѣніемъ, высказаннымъ по поводу «Система природы» Голубина: «метафизика останется тѣмной областью еще до конца вѣка, можетъ быть навсегда». Вообще Кондорсе относился къ вопросамъ философіи совершенно такъ же, какъ Кантеръ, Даламберъ и другіе энциклопедисты. Философія, по ихъ мнѣнію, задвигала освобождать людей отъ суевѣрія, пробудить въ нихъ желаніе думать, вырвать ихъ изъ рабства разсудку. Кондорсе являлся ревнителемъ мнѣнія Вольтера: тѣмъ больше люди будутъ думать, тѣмъ легче они отдѣляются отъ суевѣрія и веры. Общій интересъ чуждымъ, — думать, онъ, — эта главная забота всѣхъ добродѣтельныхъ сердецъ, — требуетъ свободы мнѣній, свободы совѣсти, свободы культа прежде всего, потому что эта свобода одна можетъ установить братство людей. Разъ невозможно соединить людей одной вѣрой, — необходимо приучить считать братьями всѣхъ людей, къ каковъ бы вѣръ они не принадлежали. Одна свобода можетъ дать чуждымъ разуму необходимую меру для познанія истины; способствовать тому этому Кондорсе на-

пять: из обязанности современной ему философии и с этой точки зрения являть послужу современной ему философии. Мы говорили уже об его отношении к Вольтеру, деятельности которого, по мнению Кондорса, можно считать истинною обязанностью философа. Но он не отказывался из своей справедливой оценки и других. Приводит следующее изречение из Руссо: «если дети не носят больших корсетов, если их не нужно не обременять более ранним процессом, если они свободны теперь от робства и страха, то для общества этого Руссо».

Прямотою, основанная на расположении близости, на смысле природного равенства людей, по мнению Кондорса, всегда находила себе защитников из рядов философов. Об обязанности философов относительно правителей он высказывает мнение, что истинные влады королей — не философы, а пастора. Философы должны развивать себя, умножать, уметь людей терпимости, выступать за угнетенных, искоренить волею духа фанатизма и политического невежества. Убежденный в этом, Кондорс старался доказать, что реформирование необходимо для устойчивости правительства. В 1781 г. он выдал трактат о пасторах, регулировании в то время вращающегося во Франции. Результатом этого труда была самая благоприятная: Людовик XVI решил улучшить из пастора.

Вспомогательная Кондорса из правительств и ее происхождение мы рассмотрим главным образом из критической оценки Гольбаха, из смысла из Турго и из происхождения из издания «Писем Паскаля». Известно, что Паскаль в последние годы своей жизни написал сочинение религиозного характера. Заглавие оно было выдано из себя с различными показателями отшельника Порты-Роза, протестантская аскетическая. Кондорс выдал книгу «Писем Паскаля», восстановил утраченную книгу и приложил свою теорию критики. Книга эта не предназначалась для продажи, экземпляры этого издания получили только друзья Кондорса. Паскаль, под влиянием своей мистической, говорил: «слабы все люди знают, что толкуют в него из себя, то не у него не было бы друзей». В то же время он объясняет все самые возмущающие поступки человека слабостью и честолюбием. Мы знаем уже, как да-

дела была Кондорс отъ теоріи эгоизма и утилитаризма. Притянувъ ему взгляды отъ опровергать фактами. Приведены одинъ, знаменитѣйшій изъ отъ французскихъ персонахъ лѣтиской: у береговъ Франціи торчалъ корабль, на которомъ находился кавалеръ Лордо, поутѣнній плавать; одинъ матросъ, левѣй плавать, сказалъ ему: «бросайте въ море и тѣпайте меня на вѣкъ, а высь спасту». Отъ долгихъ плаваній сила матроса истощилась. Лордо въ некоторое время подергивалъ въ немъ бодрость выражениемъ своей признательности. Наконецъ матросъ открылъ руки и сказалъ, что выигрываетъ побѣду ждѣть отъ обещанъ. «Но, — спросилъ Лордо, — а еслибы ты былъ однимъ? Тогда, можетъ быть, итѣ удалось бы спастись», отвѣчалъ матросъ. Услышавъ это, Лордо выпустилъ изъ рукъ свои матросъ и пошелъ по дну. Такие факты убѣждали Кондорса, что морены нравственностью свое чуждого состраданію. Онъ писалъ Тьеро: «Я признаю въ такомъ же ждѣть, какъ и вы, прочитавъ у Гольмса, что дѣти казнятъ родителей и что имъ любилъ только тѣхъ, кого презираетъ».

Привлеченная истинная нравственность въ чувствахъ, Кондорс въ то же время утверждалъ тѣснѣе связь между утилитаризмомъ развѣтленъ и нравственностью.

Еще известнымъ политико-экономическимъ трудомъ Кондорса; имъ говорилъ о провозглашеніи и осуществленіи отъ въ жизни философа; такъ остается дать характеристичную отъ дѣятельности, показывая читателя съ историческимъ въ немъ современную знаменитость. Большинство взглядовъ Кондорса, относящихся къ отъ области мысли, представляются только дальнейшее развитіе чуждымъ мыслителя. Онъ самъ говорилъ: «То, что есть истинного и важного въ моихъ взглядахъ, принадлежитъ не мнѣ». Онъ откровенно замечаетъ на сладство изъ съ возмущеніемъ Тьеро. И подобно Кондорсу является правителъ вслѣдствіемъ своимъ фаворитомъ. Онъ размышляетъ сентиментална ему идеи и въ доконченности къ индивидуализму, и въ отбрасывать сентиментализмъ, въ которыхъ поддерживаетъ обсужденію самые жгучіе и важные вопросы.

Въ «Письмахъ маркизскому доктору изъ провинціальному», въ статьяхъ противъ монаховъ и въ «Разсужденіи о баррикадѣ» Кондорс первый высказалъ мысль, какую остроумную выводу представляется уничтоженію крѣпостного права для

сельскаго хозяйства, для земледельцевъ и для землевладельцевъ. Въ эти сочиненія относятся изъ 1775 г. Въ слѣдующемъ 1776 г. онъ издалъ свой самый блестящій экономическій трактатъ: «Разсужденія о либбной торговлѣ». Въ немъ Кандорсъ, исходя изъ политическаго точки зрѣнiя и поддерживая жгуче фанатическо о преимуществѣ земледѣльческаго труда передъ трудомъ ремесленника и фабриканта, высказываетъ мысль, что земледѣльцамъ и земледѣльцамъ болѣе заботиться изъ издѣлъ своего имущества, потому что болѣе къ нему, такъ сказать, прирѣзаны. Авторъ склоняется къ пользѣ земледѣлія, хотя въ виду то, что деревенская жизнь болѣе развѣдываетъ образъ дѣйствія на финансовую и нравственную природу чина. При этомъ томъ Кандорсъ писалъ не поддерживаетъ жгуче фанатическо о безплодности ремесленнаго и фабричнаго труда, признавая въ настоящее время совершенное лажаніе. Въ свободѣ же торговли онъ видитъ единственное средство для управленія временной и либбной цѣнъ. Только эта свобода открываетъ возможность конкуренціи, ведущей къ увеличенію вознагражденія за посредничество; за этимъ же слѣдуетъ увеличеніе либбной цѣны. Но оно никогда не бываетъ трансформировано, что становится невыгоднымъ для всѣхъ классовъ. Кандорсъ утверждаетъ, что на увеличеніе рабочаго класса всегда слѣдуетъ ставиться такое большое и быстрое увеличеніе цѣны на либб; онъ видитъ же спасеніе въ уменьшеніи цѣны помощью свободной торговли. Хотя это въ виду, Кандорсъ высказываетъ не только въ пользу свободной торговли, но и либбной торговли, говоря, что она приведетъ къ паденію средней цѣны на либб не только въ нѣкоторыхъ нѣбольшахъ государствахъ, но и въ цѣлой Европѣ. Въ то же время онъ допускаетъ нѣкоторое временное ограниченіе цѣны либб изъ данной страны, когда этого дѣйствительно требуютъ обстоятельства.

Замѣтимъ также, что во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, какъ и въ нѣкоторыхъ политическаго характера Кандорсъ является защитникомъ частныхъ правъ и благосостоянія какъ индивидуальныхъ государствъ, такъ и лицъ, и нигдѣ не требуетъ безусловнаго принесенія ихъ въ жертву общему благу. Въ то же время онъ признаетъ такъ называемое право на трудъ и счастье обязанностью правительства приводить на конецъ нужды

цели во время общественных бедствий, в случаи голода и т. д., и в обыкновенное время считать правительство обязанным доставлять труд и заработок подданным.

Во взглядах своих на налог Кондорсе также вполне сходится с физиократами. Он признает самым справедливым налог, пропорциональный чистой вырубке, продаваемой. Для достижения же этой пропорциональности recommends правый налог, взимаемый с проданных, собираемый с судьями и участком земли.

Что же касается прогрессивного налога, то Кондорсе весьма причисляет к его противникам. На вопрос — должен ли богатый платить больше, чем слуга, только потому, что он богат, Кондорсе отвечает следующим образом: «Он должен подчиняться идее представителю справедливости; должен справедлив к народу, не подражаясь от великой несправедливости даже к его народу». Он отвергает также всякий налог на роскошь и является решительным противником всякого увеличивать оборот. Полагая, во его мнению, что во всяком случае сведется к продаже наемных, не могут же собой больше поддержать при жизни и могут привести денежную выгоду государству, только если оправдываются разного рода отчислениями. Но тем же причинам Кондорсе возражает еще больше против всякого личного налога, признавая его лишь справедливым один квартирный, да и то в таком случае, когда ему не подлежат скромные жилища. Легко видеть, что при таких взглядах на налог Кондорсе был извещен врагом всякого рода налогов. Вспомни его на таможенные пошлины налагается также и налог с потребления со всеми приведенными нами здесь; он говорит: «такие пошлины вредны, так как, подвигая конкуренцию, они устранили единственное справедливое и практическое средство, — сокращение провинциальности. Такие пошлины по природе своей несправедливы» И здесь, как всегда, Кондорсе развешивается вопросом с другой стороны со стороны справедливости и с точки зрения практической. Во всяком отношении всяким видеть еще то неудобство, что поспирит такто один вид сельского производства и мануфактур к ущербу другим. Но такое поспирение обуславливается выбором, который может оказаться ошибочным, и т. д. По этому поводу Кондорсе замечает: «Администрация Представителю

этот выбор частному интересу и пристрасть людей, которые никогда не ошибаются».

Вся эта выкладка из области политической экономии являлась сферичностью общества и индивидуума человека, рождающаяся из того, что люди всяка страна должны иметь один общий интерес.

Из всѣхъ известнаго намъ представителей феодализма изъ этой релятивизма и индивидуума Кондорсэ отличался необычайной справедливостью къ Адаму Смиту; онъ даже бы представлялъ значение его мыслей для будущего и, опередивъ во многомъ своего современника, ближе къ подходу къ индивидуализму нашего вѣка.

И такъ, мы видимъ, что, хотя мыслитель Кондорсэ изъ области политической экономии вышелъ весьма много общаго со своимъ феодализмомъ, нолая сказать, чтобы онъ былъ индивидуализмомъ, напротивъ, эти мысли, можно сказать, такъ вытекали изъ его общества и выходя въ люди, онъ такъ обуславливался всеми особенностями его души, что изъ слѣдуетъ считать его неотъемлемой собственностью. Онъ жаль только въ насъ, потому что мысля въ гетисмизмъ, но онъ пришелъ бы къ намъ самъ. Отличаясь совершеннымъ отсутствиемъ тщеславия, Кондорсэ совершенно не заботился о томъ, чтобы создать въ какой нибудь области свое, онъ просто велелъ истину и работалъ лишь о благахъ человечества.

Примечаніе математика въ вопросахъ политической экономии было впервые сделано Кондорсэ. Опять Контъ и его последователи по волею одобряютъ увеличеніе математика и утверждаютъ, что математическій методъ мало отличается сущности общественнаго явленій. Все это, вообще говоря, справедливо, но истинное все же подтверждало главное мысль Кондорсэ о примативности арифметики къ вычисленію смертности и рожденій; на этомъ Контъ сводилъ цѣлую новую науку. Современное же общество признаютъ съ своей стороны, что примативное математическое метода въ политической экономіи, хотя и не можетъ обогатить эту науку новыми истинами, привести пользу, позволяя точно формулировать результаты. Намъ известны три сочиненія Кондорсэ, въ которыхъ онъ главнымъ образомъ выставлялъ свои мысли о примативности математики къ рѣшенію вопросовъ, касающихся опредѣленія причинъ увеличенія и уменьшенія смертности, такъ сказать, обуславливающихъ колебаніе числ: 1) «Discours de M. de Condorcet

en réponse à celui de M. le comte de Choiseul-Gouffiers (le jeudi 26 février 1784), n. 2) «Discours sur l'astronomie et le calcul des probabilités», lu au lycée 1787 n. 3) «Tableau général de la science, qui a pour objet l'application du calcul aux sciences politiques et morales».

И современники экономисты признают, что все, изданное в этот периодический в течение века, было из обширных работ Кантора.

Заслуга нашего философа в области политической экономики легко понять, если вспомнить, что многие просвещенные экономисты принадлежали к науке, созданной Тюрго и Адамом Смитом; наш же философ писал свою, самостоятельную книгу Тюрго и Кантор, при которой труды даже определяли, где начинался наш одинок и начинался работа другого.

От трудов по политической экономике переходим к сочинениям Кантора, относящимся к политике. Число этих сочинений очень мало. Мы не находим из них пристрастия к какой-нибудь форме правления. Политические взгляды его, так же как формулирование в нашей конституции 1793 года, выработались у него постепенно. Из черт жизни Кантора мы видим, что он стоял на консервативе, когда думал, что есть возможность его сотрудничества с обществом, чтобы улучшить финансовую реформу. Но, когда сама мысль на форм правления, он не менее оставался верен глубокой ненависти к деспотизму, и даже бы выдал-он из принципа. Кантор не раз говорил себе, что деспотизм имеет лишь — характер какой-нибудь дегенерации — даже предельно опасен, что деспотизм одного лица; в последние годы своей жизни он первый заговорил о деспотизме толпы. И можно сказать, что вся его политическая деятельность, теоретическая и практическая, была направлена к ограждению себя и народа от деспотизма. В сочинениях своих, относящихся к политике, он высказывал много самостоятельных и изобретательных мыслей. В своем «Письме к Николетте буржуа из королевскому Вермуну» он стремится соединить все выгоды представительства с принципом участия всего народа в законодательстве. Такой взгляд из то время явился новым. Он хотел предложить реформу, не существовавшую в английской конституции, перед которой сейчас пре-

назывался тогда французы. Кондорсе не составлял претязъ консервативности англичанъ; онъ былъ ярый противникъ сущаго неограниченнаго конституціонизма. Ему дорога была свобода предпринять нововведенія, и онъ стоялъ за пересмотръ конституціи для того, чтобы люди могли приспособить ее къ своимъ потребностямъ. Въ сенатѣ «Письма американскаго гражданина» онъ возстаетъ противъ дѣйствій парламента, предусматривая, что парламентомъ готовато Франціи аристократическую управленіе. Изъ этого видно, что Кондорсе давно былъ оттого, чтобы купить спасеніе во всевластномъ парламентѣ, подобномъ английскому; онъ саркастично былъ проникнутъ американской теоріей политическаго свобода.

Тѣсная дружба съ американскимъ философомъ Диефференомъ много способствовала тому Кондорсе развилъ нѣкіе Диеффереона, что главной осью всѣхъ законовъ должны служить естественныя права человека. Эти права состоятъ въ свободѣ личности и ея безопасности, въ свободѣ собственности и ея безопасности, въ равенствѣ, но въ смыслѣ положенной одинаковости образованія и состоянія, а въ смыслѣ отсутствія всякаго различія передъ закономъ. И въ политикѣ, какъ и въ политической экономіи, Кондорсе является сторонникомъ всеобщаго блага, вѣруетъ привилегій и допускаетъ только налоги, пропорціональныя чистому доходу, обнаруживая во всемъ рѣдкую осознанность и дальность въ міросозерцаніи. Мысли оны, относящіяся къ этимъ предметамъ, онъ излагаетъ въ видѣ научнаго трактата или выносивающа въ формѣ сандеатовъ, отличающихся замѣчательнымъ остроуміемъ.

Главная черта Кондорсе относится къ области социологіи, истинной философіи исторіи, которой онъ положилъ начало. Въ этомъ отношеніи онъ, можно сказать, не имѣлъ предшественниковъ. Философъ Контъ, творецъ положительной философіи, говоритъ: «со времени Монтескье единственный успѣхъ, сдѣланный социологіей, состоитъ съ именемъ знаменитаго и вѣстнаго Кондорсе. Въ его трактатѣ впервые научно сформулировано историческое движеніе человечества. До Кондорсе существовала теорія, уподоблявшая исторію человечества жизни одного лица и различающая различные періоды исторіи съ возрастомъ младенчества, возмужалости и старости. Такого взгляда оказало вредное вліяніе; жизнь отдельныхъ народовъ рассматривали, какъ осужденіе на смерть,

и думали, что если такая пора наступила для науки, то не что не kommt спасти ее; из теоретического отношения это отнимается право, представляя историю человека как не то фатальный круговорот, в сфере того влияния дружащих образов на историю человека». Упомянутая теория принадлежала Вико; она вышла за себя какущуюся правдоподобности; из доказательства ее обыкновенно приводили сравнение классического древнего мира с феодальной Европой средневековья. Эти взгляды повели за собой мнение, что человек, отдавшись от своего «естественного состояния», утрачивает право личной свободы и равенства и, единичи словить, идет назад. Кондорсе же строго доказывал, почему несовершенство этого естественного состояния. В то же время Кондорсе не закрывает глаз перед почтенными фактами — он признает существование тысяч зла, из которых человечество отступало назад или удалялось от истинного пути. «Прогресс человеческого разума — говорит он — не всегда идет рука об руку с стремлением людей к добродетели и к общему благу. Этим объясняется, почему из среды всех — одну самую худшую часть — удалось совершить великие работы прилежными руками». В то же время он утверждает, что не уйдешь назад, а удаляясь из власти из собой развитие порождает. Разъяснения эти кажутся нам примерной составлены себе из главных достижений труда Кондорсе.

Если мы сравним сочинения Сенеки Канта с трудами Кондорсе, то увидим, что все преимущества первых обуславливаются только временем, т. е. прогрессом других наук, которые тесно связаны с социологией. Во время Кондорсе эти науки находились далеко не из тысяч состояния, из каковы народится теория. И весьма вероятно, что только это побуждало Кондорсе сдвинуть теорию положительной философии.

Взгляды Кондорсе, о которых мы говорили, высказаны им в сочинении «Курсе естественного разума», которое было написано, как мы знаем, при самых тяжелых условиях. В предисловии своем к этому сочинению автор говорит:

«Я далеко не ограничусь общими чертами, характеризующими различные эпохи, через которые роду человеческому

подлежало пройти; нося, следовательно прогрессъ и регрессъ, раскрывають передъ нами нѣзрѣченную и сдѣланы.»

«И насколько не имѣлось здѣсь дать всеобщую исторію наукъ, искусствъ и философіи, но представить только часть этой исторіи, способную указать тотъ путь, который прошли люди отъ перваго извѣстія о нумераліи къ дифференціальному исчисленію, отъ простѣйшаго числовъ—къ самымъ совершеннымъ метафизикамъ, отъ перваго дурнаго-третяго вѣра въ чуждость—къ философской системѣ Локка, Смита и другихъ мыслителей.»

«И также уклонился бы къ другой сторонѣ, еслибы надумалъ дать полную теорію развитія челоѣчеческихъ способностей, еслибы я задумалъ цѣлью изложить въ подробности даже проявленія челоѣчеческаго ума, природу нашихъ нравственныхъ чувствъ, поднести подъ какую-нибудь систему «общую науку, изложить правила, лежащія въ основѣ искусствъ.»

«Во всякомъ случаѣ не издать вообще исторіи челоѣка, а хотѣлъ показать только—какимъ съ теченіемъ времени челоѣкъ мало-по-малу обогатилъ свой умъ новыми истинами, усовершенствовалъ и расширилъ свои силы, научился нѣзрѣченно употреблять для своего собственнаго благосостоянія и для пользы общественной.»

Однимъ словомъ, Кондорсэ стремился только доказать, что роль челоѣческій способъ къ безпрѣдѣльному совершенствованію.

«Даннѣ надежды,—говоритъ Кондорсэ,—существенно будущаго челоѣчества сводятся къ тремъ главнымъ пунктамъ: къ умственному равенству между націями, къ умственному равенству между людьми, составляющими одну націю; къ концу къ истинному совершенствованію самого челоѣка». Отвѣчая на эти вопросы, Кондорсэ доказываетъ, что истинное развитіе въ концѣ-концовъ должно привести къ нравственному совершенствованію. Если мы встрѣчаемъ противорѣчія этому въ исторіи, то это объясняется тѣмъ, что мы ограничиваемся чертъ-другъ короткими промежуточными вѣками, въ которые умственное и нравственное развитіе не могутъ входить на одномъ уровнѣ. Что касается умственнаго развитія, то оно имѣетъ объектно; въ немъ ружько воздѣлывается воспитаніе подросткаго поколѣнія, которому мы не только передаемъ знания, приобщаемъ челоѣчеческимъ напѣвѣ, но также и усовершенствованнымъ методамъ для приобритія новыхъ.

Однимъ изъ наилучшихъ средствъ для распространенія новыхъ воззрѣнй служить, по мнѣнью Кондорса, введеніе всеобщаго школы.

Подъ именемъ послѣдняго онъ разумѣетъ такой классъ, который выражаетъ помощью знаковъ простыя и сложныя идеи, отношенія между ними и логическія операціи, свойственныя каждой отдѣльной науцѣ или искусству. Таковыя образованія всѣхъ людей, изученіе эти науки, способы ихъ излѣкненій и законы ихъ образованія, въ состояніи будутъ помѣшать вмешательству на пользу науки и выражать съ большою легкостью на своемъ собственномъ. Такой классъ будетъ служить для выраженія теоретическихъ взглядовъ, относящихся къ какой-нибудь наукѣ, для изложенія правилъ искусства, для сообщенія новаго свѣта или измѣненія. Новый всеобщій классъ будетъ научать истинѣ и неразривно съ дашей наукой. И такъ, естественныя всеобщія школы могутъ быть только элементарныя школы знаний, а не школы наукъ, который всегда заключаетъ въ себѣ много индивидуальнаго и историческаго элемента или является чѣмъ-то экзотическимъ, потому чему принадежитъ; школа должна быть школою общаго общечеловѣческаго логическаго процесса. Но препятствіемъ къ введенію такого класса служить недостаточная ясность и разработанность понятій, лежащихъ въ основѣ новыхъ наукъ.

Кондорсъ предсказываетъ также великую будущность теоріи вѣроятностей въ исторіи гуманныхъ наукъ. Вообще онъ выражаетъ въ этомъ отношеніи самыя свои задушевныя мысли и высказалъ челоѣчеству. «Картина успѣховъ челоѣческаго разума» состоитъ изъ двухъ частей; первая часть заключаетъ въ себѣ всю картину прогресса въ самыхъ общахъ сортахъ. Эту часть Кондорсъ считалъ необходимымъ изложить своего обширнаго труда. Вторую часть и слѣдующія за ней предполагалось посвятить изложенію фактовъ, служащихъ для развитія и подтвержденія общаго вывода, показаннаго въ первой части. Обладая изумительною памятью, Кондорсъ писалъ вторую часть, но въ великому своему горю увидѣлъ, какъ онъ слабъ, невозможность продолжать трудъ, не имѣя подъ руками никакихъ книгъ.

Кондорсъ дѣлитъ исторію челоѣческаго прогресса на десять эпохъ; первая относится къ тому времени, когда люди сначала жили отдѣльными семьями; затѣмъ нѣсколько семей,

живить по близости, соединялись въ одно цілое, какъ бы составили одинъ народъ; вторая школа принадлежать наступившимъ народамъ и переходу отъ этого состоянія къ эллинизму; третья школа обнимаетъ собою успѣхи эллинизма; народы до изобрѣтенія письма; четвертая школа — успѣхи телеснаго ума въ Греціи до времени спеціализаціи наукъ, совершившейся въ царствованіе Александра Македонскаго; пятая школа — развитіе наукъ со времени нѣтъ спеціализаціи до нѣтъ упадка; шестая школа — упадокъ просвѣщенія, разстравленіе до свидѣній во время крестовыхъ походовъ; седьмая школа — первые успѣхи наукъ со времени нѣтъ разстравленія до начала кавалеріа; восьмая школа — отъ изобрѣтенія календаріа до того времени, когда философія и науки ссылались до астеріа; девятая школа — отъ Декарта до французской республики; десятая школа — будущее успѣхи телеснаго ума.

Уже нѣтъ одного содержанія первой книги легко усмотрѣть, что это сочиненіе Кошорца отличается большою оригинальностью. Кошорца разсматриваетъ исторію телеснаго прогресса не глазами истинности, а смотритъ на нея съ точки зрѣнія математика, — признавая себѣ уклоненія отъ прямого пути къ прогрессу весьма малыми, если принять во вниманіе, что путь этотъ безконечно великъ. Такой взглядъ не вѣщаетъ надѣи въ, что есть дурное въ истинности, и признавать регрессъ въ томъ или въ другомъ отношеніи; но онъ вѣщаетъ вѣру въ то, что все это — временное и не можетъ совершенно отклонить человечество отъ пути къ прогрессу истинному и нравственному. Въ десятой главѣ первой книги, посвященной будущему человечеству, мы читаемъ:

«Величественно можно съ большою достоверностью предсказывать явленія, явленія которыхъ ему вѣдомы; если даже, не зная этихъ явленій, онъ въ состояніи судить о будущемъ по прошлому, то нѣтъ основанія считать извѣргомъ попытку представить себѣ картину будущаго телеснаго рода, сообразнаго съ его исторіей.»

«Въ началѣ естественнаго единства основаніе вѣры — это идея, что всѣ общіе законы, извѣстные и неизвѣстные, на управленіе явленій вселенной, суть неизмѣнны и неизвѣнны. Оттого-ли этотъ принципъ не долженъ имѣть силъ въ исторіи развитія истиннаго и нравственнаго способностей человека?»

Мы говорили уже, какое важное значение Кондорсэ придавал воспитанию въ дѣлѣ совершенствованія рода человѣческаго. Дополняетъ теперь сказанное предыдущими словами о его сочиненіи «Sur l'instruction publique» («Объ общественномъ образованіи»), излагая теорію связи съ гражданствомъ.

Кондорсэ дѣлитъ общественное образованіе на пять различныхъ ступеней. Первая ступень—первобытная школа, такая школа, необходимая для всѣхъ и каждому; вторая ступень—школы, гдѣ изучаются науки, необходимыя для отправления простѣйшихъ обязанностей; 3-я ступень—институты, гдѣ, подъ руководствомъ профессоровъ, люди готовятся къ высшему образованію; 4-я—техническія школы или гимназіи, и наконецъ пятая ступень представляетъ интеллектуальное общество, направляющее образованіе цѣлой страны и занимающееся вообще совершенствованіемъ наукъ и искусствъ.

Общественное воспитаніе, по мнѣнію Кондорсэ, составляетъ обязанность государства передъ гражданами. Безъ него невозможно равенство передъ закономъ. Философъ подробно разлагаетъ это положеніе и доказываетъ его, какъ геометрическую теорему. Въ то же время онъ не допускаетъ мысли о послѣдней ступени образованія, которое можно было бы опредѣлить различіемъ внутреннимъ и вѣнчаніемъ талантовъ. Кондорсэ съ большою ясностью устанавливаетъ мѣръ образованія, необходимой для того, чтобы одинъ человѣкъ не зависѣлъ отъ власти другого, говоря: «человѣкъ, неспособный проецировать, разсуждать, управлять съ независимости отъ чуждаго, обладающаго этихъ необходимыми знаніемъ, не послѣдній шагъ на пути къ равенству отъ раснаго неравенства». Кондорсэ требуетъ, чтобы всѣ обладали знаніемъ, безусловно необходимымъ въ жизни. Онъ долже останавливаться свое вниманіе на этомъ важномъ предметѣ и затѣмъ такія строго доказываетъ, что неравенство образованія есть первая причина неравенства одного человека другому.

Отъ образованія умственного онъ переходитъ къ нравственному развитію и стѣпенно проводитъ мысль: для того, чтобы сдѣлать равенство между людьми, необходимо уничтожить различіе между въ изъ нравственныхъ чувствъ, привычекъ и образованіи. Человѣкъ съ вѣнчаніемъ, тонкими чувствами, хороша воспитаннымъ, не можетъ протянуть руку чуждому гру-

быть, неестественно; потому необходимо, чтобы и въ этомъ отношеніи существовала такъ слабая, общая норма благосостоянія для всѣхъ людей.

Во всѣхъ его взглядахъ проглядываетъ безграничная любовь къ человеческой природѣ.

Кондорсэ говоритъ: «при распредѣленіи труда надо идти къ тому, чтобы оно не превращало къ растительной тупости, но забавало бы тѣхъ способностей человека, которые необходимы всѣмъ и каждому». Здѣсь авторъ ходитъ въ большія подробности, разбирая тѣхъ всѣхъ возрастъ воспитывать и образовывать.

Каждая строка этого сочиненія пропитана уваженіемъ къ правамъ человека. «Общественное воспитаніе должно ограничиться образованіемъ — говоритъ Кондорсэ — а не возлагать на права родителей, которымъ должно быть предоставлено нравственное воспитаніе».

Желая распространить необходимое образованіе между всѣми людьми, Кондорсэ предлагаетъ большое значеніе методамъ, облегчающимъ усвоеніе предмета.

Онъ высказываетъ мысль, что нельзя сравнивать временныя жизни, какъ иѣ одна истина, которую всегда и всюду неперемѣнностью вѣрныи человека. Въ то же время онъ стремится къ тому, чтобы общественное образованіе облегчало людямъ практическую жизнь, и свѣдѣть сообразованіемъ съ требованіями времени. Сочиненіе его наблюдаетъ также очень вѣрными замѣчаніями относительно болѣе частнаго вопроса, общественнаго равенства и т. д. И всѣ эти частные взгляды строго отнѣсены къ главной цѣли: образованіе и воспитаніе должно подготовить людей къ равноправности. Согласно этому образованіе должно быть одинаковымъ для мужчинъ и для женщинъ. Такой же взглядъ проводилъ Даламберъ и другіе мыслители. Изъ взглядовъ замѣчаній Кондорсэ видно, что не одна идея равенства привела его къ такому соображенію; онъ утверждалъ, что женщинамъ могутъ оказать пользу науки, дѣла наблюденія и составленія элементарныхъ книгъ; народъ его глазами более живые приѣмы — труды его собственной жизни, г-жи де-Шателъ и другія женщины XVIII столѣтія. Для воспитанія дѣтей Кондорсэ считалъ необходимымъ широкое образованіе матерей, а еще съ глубокимъ знаніемъ дѣтской жизни указывалъ своимъ современникамъ все то, что проводило въ осуществленіе этого образованія.

Наконецъ неравное образованіе, въ его жизни, непременно должно вести къ неравенству между членами семьи и пошатнуть къ счастью. Этотъ мысли онъ посвящаетъ не мало такихъ страницъ, которыя и въ настоящее время могли бы послужить много; дайте онъ развѣсится мысль, что мужчины легче бы соотвѣтили своимъ женамъ, еслибы жёны ихъ принимали участіе въ умственномъ трудѣ, и жёны почти исключительно совѣстный умственный трудъ мужчинамъ и женщинамъ. Онъ анализируетъ сверхъ того, что, почему наизы, женщины нѣкогда неосуществимое право на высшее образованіе, и приводитъ въ примѣръ итальянцевъ, занимающихся съ удовольствіемъ лекціями въ университетахъ. Согласно всему тому Кандорсъ не только признаетъ возможность, но даже считаетъ необходимымъ совѣстнымъ обученіе обоихъ половъ.

Вопросъ о конкуренціи и ея последствияхъ конечно не принимался въ вниманіе Кандорса, которому жёны, по его же собственнымъ словамъ, представлялись не барьеръ соперничества, а совѣстной дѣятельностью дѣлать—братьями. Эти взгляды Кандорса провозглашаютъ глубокое равенство между прочимъ на личностную жажду его жёны — математикомъ и философомъ на женѣмъ Сефа Жерарта.

Кандорсъ признавалъ, что сущность человѣческихъ дѣйствій когда служить удовольствію и личный интересъ, но всё-таки съ тѣмъ дуналъ, что социальныя науки должны стремиться разъяснить чѣло случается, въ которыхъ общественный интересъ противорѣчитъ личному; съ другой стороны воспитаніе и образованіе должны развить въ насъ сомнамолонный интересъ къ общественному благу.

Мы неслучайно читаемъ съ тѣмъ же счастіемъ Кандорса, въ которыхъ съ наибольшей отчетливостью выступаютъ на службу; они свидетельствуютъ о томъ, что Кандорсъ не только отличался талантомъ и оригинальнымъ умомъ, но и усугублялъ въ томъ-же отношеніи своимъ выдающимся людямъ своего вѣка.

Medibibliotek
Shitomir

Медіабібліотека
Шитомір

№ ———

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.

Шаг надреза нитки отступо — 25 м

Подготовлено к печати в печать в редакцию 20.05.2012 г.

Безопасность бизнеса обеспечивается только постоянным развитием

Главный редактор: доктор физико-математических наук, профессор В. А. Давыдов. Адрес: Москва, ул. Мясницкая, 20, стр. 1, к. 101.